

@CLEVERBOOK

CLEVER

Жизненные навыки. Книги для родителей

Дима Зицер

Любить нельзя воспитывать

«CLEVER»

2018

УДК 37.01
ББК 74.200

Зицер Д.

Любить нельзя воспитывать / Д. Зицер — «CLEVER»,
2018 — (Жизненные навыки. Книги для родителей)

ISBN 978-5-00115-250-7

Мы часто думаем, что воспитание – это работа, необходимость контролировать, запрещать, учить, исправлять – жить жизнью своего ребенка. А зачем? Давайте отбросим все эти «должна вырастить», «должна уберечь» и посмотрим на детей как на отдельных людей. И тогда для нас станет невероятной радостью наблюдать, как они растут, как учатся сами завязывать шнурки, как выбирают, что им нравится есть, носить, читать. «Растить – значит не отказывать себе в огромном удовольствии наблюдать за процессом. Видеть то, что подарено судьбой только родителям, – видеть, как ребенок меняется, растет, познает мир. Я уверен, растить – родительская свобода и радость, воспитывать – родительская тюрьма. Может, пора на волю?». Статьи, посты, заметки, объединенные в этой книге, представляют собой реакции автора, опытного педагога и психолога, на конкретные ситуации, ответы на родительские запросы. А заодно это приглашение подумать и посомневаться вместе на самые разные темы, касающиеся взаимодействия с любимыми людьми. Именно поэтому, по сути, перед вами педагогический блог, в котором актуальность темы определяет форму и содержание статуса. В формате PDF А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 37.01
ББК 74.200

ISBN 978-5-00115-250-7

© Зицер Д., 2018

© CLEVER, 2018

Содержание

Предисловие	7
Ненормальная норма	9
Читательская obsессия	13
Пути интереса неисповедимы...	15
Сравнение – мать насилия	17
Ода синдрому	20
«Что посеешь, то и пожнешь»	24
Профориентация: cui prodest	27
«Первое сентября как похороны»	29
Изнасилование на пятерку	34
Волшебное «взаимо-»	37
О детобоязни	40
О том, что можно и чего нельзя	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дима Зицер

Любить нельзя воспитывать

© Д. Зицер

© ООО «Клевер-Медиа-Групп»

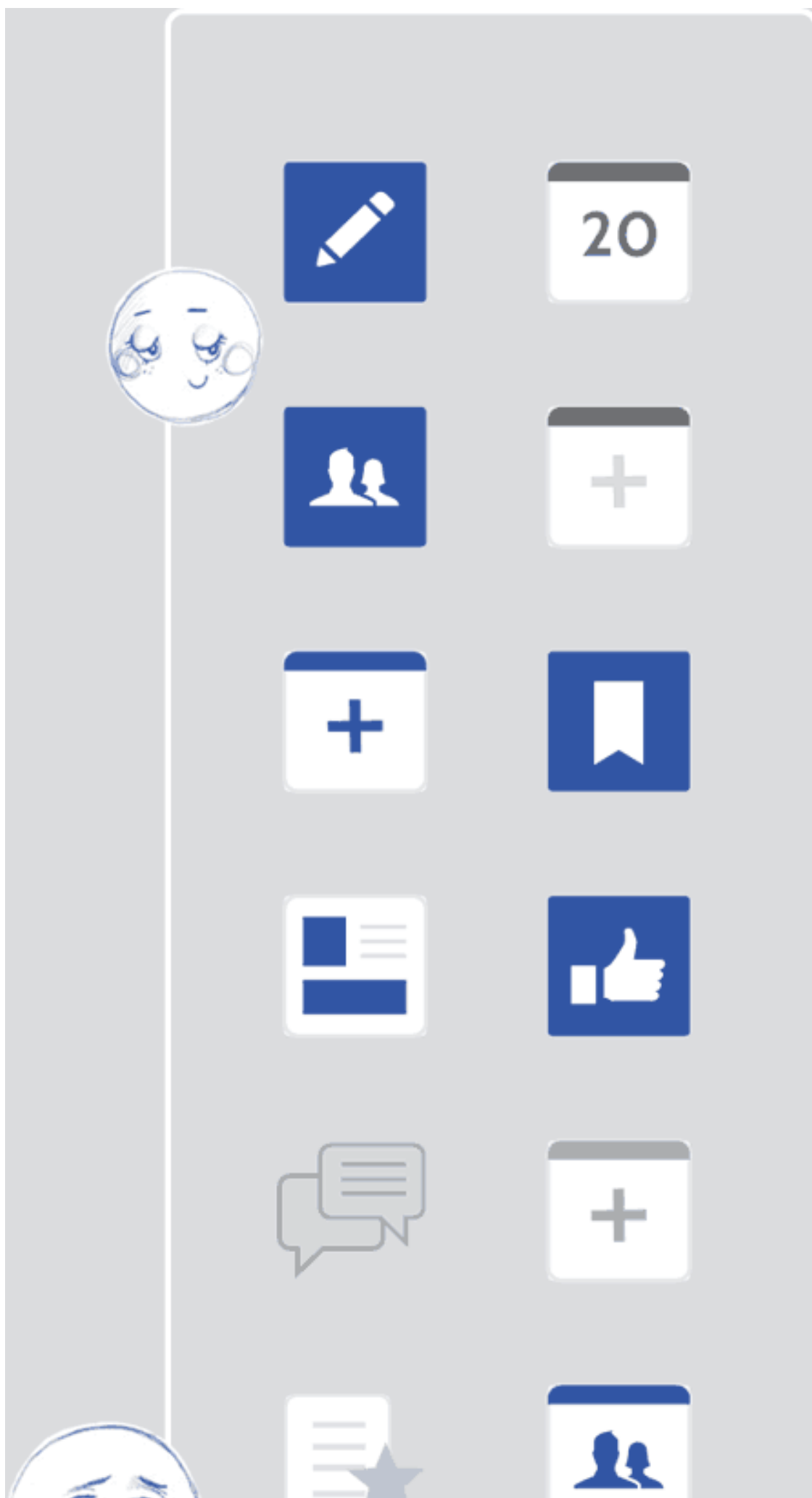
Предисловие

Воистину писать предисловие к собственной книге – дело неблагодарное и даже немного глупое. В самом деле, все, что автор хочет сказать, он уже сказал в самой книге. Ну а учить читателя, как книгу читать, это вообще последнее дело. Поэтому давайте считать это не предисловием, а просто коротеньким пояснением или скорее напутствием.

Дело в том, что педагогика – штука очень практическая. Часто мы даже не задумываемся на ту или иную тему, пока в нашей жизни не возникает некая конкретная ситуация, требующая от нас немедленной реакции или по крайней мере осмысления. Причем это одинаково относится как к области философии педагогики, так и к мелким на первый взгляд вопросам типа «в каком возрасте человек должен начинать читать?» или «как быть с детской истерикой?». И то и другое, замечу, является самой что ни на есть практической педагогикой, которой эта книга и посвящена.

Статьи, посты, заметки, объединенные в этой книге, представляют собой мои реакции на конкретные ситуации, ответы на родительские запросы. А заодно это приглашение подумать и посомневаться вместе на самые разные темы, касающиеся нашего взаимодействия с любимыми людьми. Именно поэтому, по сути, перед вами педагогический блог, в котором актуальность темы определяет форму и содержание статуса.

Вы, конечно, сразу заметите, что книга организована именно по этому принципу и даже графически напоминает посты в социальной сети. Это не просто дизайнерская игра, а скорее реальное предложение стать не только читателем, но в определенном смысле и активным пользователем. А это означает формировать содержание самостоятельно, то есть открывать книгу в середине, перескакивать с места на место, добавлять свое видение, не удовлетворяться ответами и задаваться новыми вопросами, негодовать и спорить, разочаровываться и вновь увлекаться. Поэтому я совершенно искренне **приглашаю вас в соавторы**. И до встречи в сети!

Ненормальная норма

Что поделаешь? Нелегко приходится человечеству с подрастающим поколением! И ведь что характерно, всякий раз одно и то же: ну никак не хотят дети понимать, «что такое хорошо, что такое плохо». Так и норовят восстать против всего понятного, привычного, нормального. Мы же, в свою очередь, придумываем критерии, по которым могли бы судить, насколько человек адекватен (с нашей точки зрения, конечно), предлагаем системы координат для «личностной классификации», одним словом, изо всех сил стараемся ухватиться хоть за что-то реальное, осязаемое.

А в результате зачастую главной темой отношений становятся многочисленные упреки типа: «Ну как же так можно! Это же ненормально! Я помню себя в твои годы... Посмотри-ка на соседского мальчика – уж какой молодец!» и т. д. и т. п.

Как быть? На что ориентироваться? Должны же мы, в конце концов, понимать, нормален ли наш ребенок, в верном ли направлении он развивается.

Вот и получается, что вопрос о норме – уже не просто интересная тема для досужей беседы, а серьезный разговор о нашем будущем, будущем наших детей и внуков.

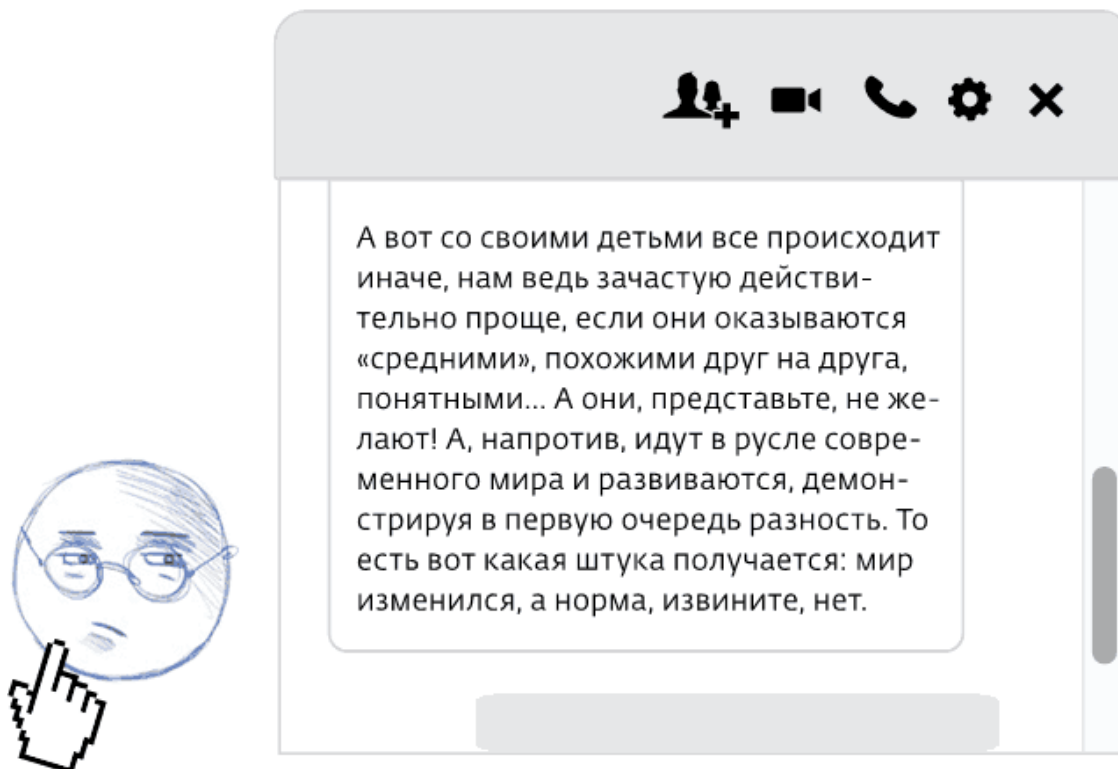
Итак, давайте поразмышляем. Начнем с определения. Вот несколько, взятых из Академического словаря русского языка. Норма:

- **узаконенное установление**, обычный, общепринятый обязательный порядок, образец, правило.
- **установленная мера**, размер чего-либо.
- **средняя величина**, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений.

Общепринятый порядок... средняя величина... массовая совокупность случайных явлений... Интересно, не правда ли? Неужели мы действительно хотим верить успехи и саму жизнь наших детей «средней величиной, характеризующей какую-либо массовую совокупность случайных событий»?..

Для того чтобы разобраться в происходящем, необходимо для начала просто посмотреть вокруг. Нынешний мир не похож на прежний. Он оказывает, если можно так выразиться, многоканальное влияние на личность. Именно поэтому представляется совершенно логичным тот факт, что у человека может быть лучше развит один «канал» и отставать другой. За всем попросту не поспеть. Человек может запросто оказаться более отзывчивым к языку образов, чем к языку цифр. Вот и все. И с математикой у него, понятное дело, хуже, чем с рисованием. Другой человек может быть добрым, чутким, обладать удивительным чувством юмора, однако не начать читать вовремя. А его взаимодействие с миром при этом вовсе не отстает – он просто использует для этого иные инструменты. Ведь нынче действительно востребован принципиально иной тип личности (в первую очередь в сравнении с недалеким прошлым). Нам приходится иначе реагировать, иначе действовать, иначе самовыражаться. Вот вам и индиго!

«Взрослому миру» очень хотелось бы, чтобы ребенок умел все, желательно лучше других. На это настроены большинство родителей и педагогов. А что, собственно, это «все»? Читать, считать и писать? Нет-нет, хорошо бы, конечно, и рисовать, кувыркаться, разбираться в архитектуре и помогать бабушке, однако это как бы менее существенно. А уровень личности в 5–6 лет определяется как раз по счету и чтению. Такова норма. Люди могут различаться тем, как они мыслят, играют, видят мир. Но счет и чтение – «вынь да положь»! И при этом мы не перестаем вспоминать известные всем и каждому истории о знаменитых личностях, демонстрировавших в разное время серьезное отставание от так называемой нормы. Троечник Эйнштейн, молчаливый Андерсен, которого долго считали умственно отсталым, – сколько их было!..

Вследствие изменения самой сути мироздания действительно растет новое поколение, которое многим отличается от предыдущих. Они демонстрируют поразительную способность к многозадачности (а нормой считается последовательное выполнение задач), их восприятие «многоканально» (а им говорят «вынь наушники из ушей, иначе ты не сможешь как следует сосредоточиться»), они чуть ли не с рождения готовы взаимодействовать с любой техникой (а мы твердим «сначала выучи теорию, потом перейдем к практике») и т. д. и т. п.

ВОТ ТАК МЫ И ПРОДОЛЖАЕМ ИГРАТЬ В ТЕРМИНЫ, ПЫТАЯСЬ ОБЛЕГЧИТЬ СЕБЕ ЖИЗНЬ: ИНДИГО, КРИСТАЛЬНЫЕ ДЕТИ И ПР. А НА ДЕЛЕ – ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ ЛЮДЕЙ.

А между тем в начале каждой эпохи были свои индиго. И сегодня вновь как будто найдено определение для ненормальных. Это как раз самые что ни есть нормальные. То есть те, кто наиболее точно отражает в своем развитии современную норму. Не желают они, скажем, читать в четыре года – так им и не нужно! Мир они познают не менее активно, чем их образованные мамы и папы. Что их предкам оставалось когда-то для познания мира, кроме чтения? Ни тебе путешествий, ни видео, ни представлений... А ведь все это инструменты, которые требуют от человека не меньшего осмысления, чем грамота. Чем же они хуже? Человек пяти лет, отправляющийся в путешествие, тратит огромное количество интеллектуальной и чувственной энергии. И узнает о мире, возможно, больше, чем его коллега того же возраста, оставшийся дома читать. И выразить свои впечатления иногда может намного интереснее, чем второй (и рисунком, и рассказом, а иногда и просто – без слов).

Утверждение, что **все дети гениальны**, настолько избито, что каждое повторение уже само по себе вызывает тоску. Детская поголовная гениальность – пример самого распространенного клише. Это говорят на каждом углу, каждый второй педагог под этим подпишется. Неужто и правда верят? В чем же тогда идея подгона под определенные критерии? Ведь гениальность как раз и есть несоответствие норме.

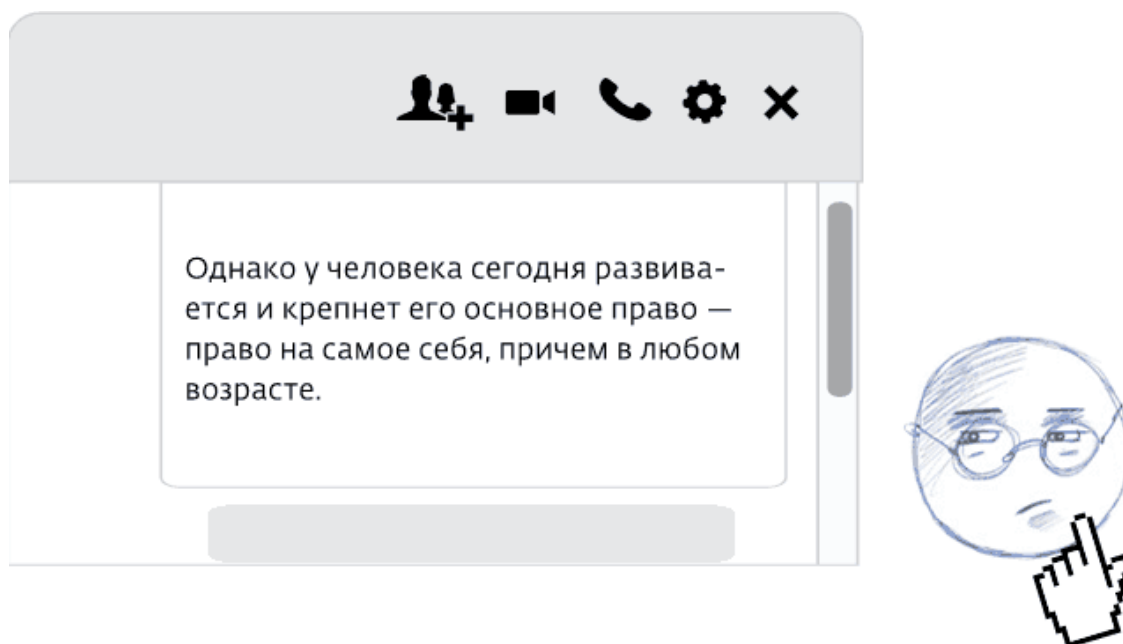
Человечество, все больше обращающее внимание на то, что люди все-таки разные, обратило некоторое внимание и на детей. В самом деле, люди различаются по цвету кожи, национальности, вере, полу, возрасту, наконец... А про детей мы как бы всё понимаем? Мы устремляемся в дальние страны исследовать другие культуры, загоняя при этом собственных детей в «нормальное» прокрустово ложе. Зачем? Опять взрослый эгоизм? Опять пытаемся облегчить себе жизнь? То, что сегодня происходит с официальным понятием нормы, – просто дикость! Трудно найти другое слово для определения творящегося беспредела. По самым что ни на есть косвенным признакам определяется развитие сегодня и судьба навсегда.

Вспоминается так много печальных историй на эту тему. Помню, как к нам обратились родители мальчика, который к семи годам не научился читать. Его, конечно, объявили умственно отсталым и рекомендовали вспомогательную школу. Рекомендовали!.. Это не совсем верное слово, поскольку с подобным определением в обычную школу его просто не готовы были принять. Так вот, мальчик этот начал читать уже через пару месяцев. Почему? Причин тут несколько, включая, конечно, и личностный подход. Но главная из них такая: до того просто не время было. Ну, как бы это сказать... действительно было не до того. Конечно, хотелось бы, чтобы человек начинал читать пораньше. Но что поделаешь, не у всех получается.

Эта история закончилась неплохо. А сколько их с печальным финалом?! Всех не перечить! Не стану далее утомлять читателей развитием этой темы. Суть состоит в том, что различие в развитии личности и есть норма!

У нас ведь не вызывает удивления, что один человек умеет танцевать, а другой и шагу ступить не может под музыку. А ведь это так просто: знай переставляй ноги. То же и про пение: казалось бы, что сложного издавать звуки разного тона? Однако получается не у всех. Мне возразят: но ведь это же врожденные способности... А вот и нет, вполне себе приобретаемые, как, впрочем, и умение читать и писать. И, кстати, не менее важные, чем последние.

По моим (думаю, и по вашим тоже) многолетним наблюдениям, человеческие особенности воистину непредсказуемы. Скажем, никак не хочет человек трех лет начинать говорить. Ну ни в какую! Однако гениально рисует. И что же? А то, что с точки зрения так называемой нормы этот человек отстает. Это называется «задержка речевого развития». А тот факт, что человек и в два раза старше не сможет изобразить ничего подобного – так это так, бывает. Заметим, что второй, тот самый, который и кисть взять в руки не может, считается безусловно нормальным. Кажется, для обозначения именно этого явления взрослые стыдливо изобрели специальное понятие «индиго».

Вот так мы беремся определять, что нормально, а что нет, не давая себе труда понять саму природу личности.

Сделаем паузу: мне бы хотелось на всякий случай перестраховаться. Думаю, читатели понимают: автор вовсе не утверждает, что нет никакой нужды в изучении, описании, исследовании развития человека. Напротив, наблюдение за развитием, личностное сотрудничество приобретают сегодня особую роль. Однако у человека сегодня развивается и крепнет его основное право – право на самое себя, причем в любом возрасте. И право быть понятым, надеюсь.

И еще одно: то, что человек в три года не говорит, в пять не знает букв, в шесть не считает, может значить многое. Это, безусловно, причина для пристального внимания. Но может быть и так: ребенку просто сильно не повезло с родителями, которых, как известно, не выбирают, – достались ленивые и распушенные. И не его вина в том, что он отстает в навыках (не в развитии!) от сверстников. Пишу эти строки, ибо не хотелось бы, чтобы настоящая статья послужила оправданием безразличия, лени и черствости.

Из всего вышесказанного вытекает вопрос: что же со всем этим делать? А вот давайте представим себе класс, в котором действительно собрались разные люди. На самом деле один – гениальный певец, другая – художница, третий – танцор, писательница, спортсмен, конструктор и т. д. Неужели не нравится? Уверен – нравится! Невозможно, скажете вы? Еще как возможно! Для реализации такого подхода необходим как раз пересмотр норм. Только не детских, а наших с вами. Конечно, для работы с таким необычным коллективом требуются особые профессиональные навыки. В первую очередь необходимо умение строить такие образовательные рамки, в которых, с одной стороны, человек может реализовывать свои способности, а с другой – обучаться новому, причем в том темпе, который является для него нормальным. Еще раз повторюсь: не для нас с вами – для него.

И давайте, наконец, договоримся: если мы не способны разглядеть в человеке **искру божью** – ненормальны **МЫ**. Точка.

#ДЕТИ© #РОДИТЕЛИΔV #ВОСПИТАНИЕ©
#ПСИХОЛОГИЯ© #НОРМА□

Читательская obsессия

Из всех родительских навязчивых идей эта, кажется, является самой сильной и распространенной, во всяком случае в России.

«О, если они не будут читать, их жизнь будет пуста и никчемна...»

А ведь действительно, читают нынче наши дети не много. Во всяком случае, кажется, намного меньше, чем их сверстники лет тридцать назад.

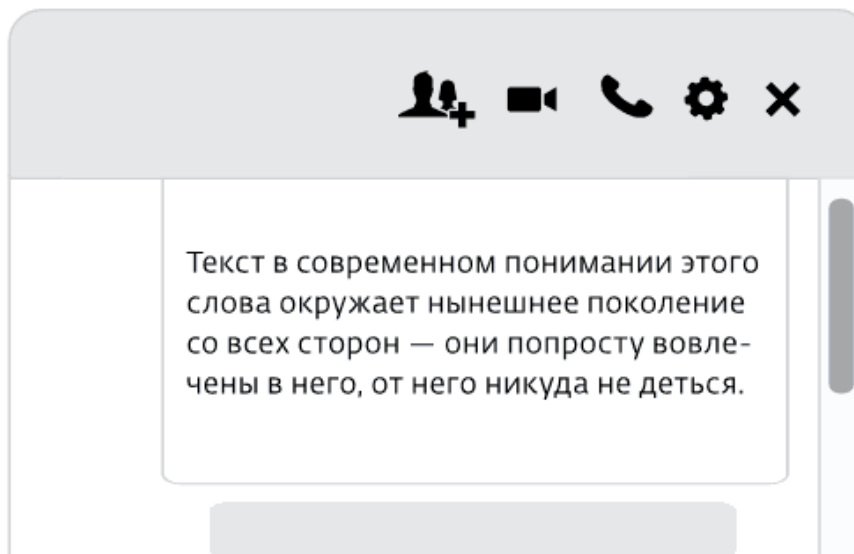
Отчего же? Этот вопрос я слышу со всех сторон от учителей, родителей и просто случайных собеседников.

А давайте-ка проверим, насколько верен этот тезис. Ах, какая буря поднимается, стоит только мне усомниться в справедливости данного высказывания: «Да я его (ее) с книжкой уже сто лет не видел!», «Вот у нас все было иначе».

И то и другое – чистая правда. И то, что с книгой в руках многих из них мы давно не видели, и то, что у нас все было иначе. Однако это не меняет положения вещей, а заодно и моей уверенности: нынешнее поколение читает не меньше, а больше нас!

Сколько времени современный молодой человек проводит в социальных сетях? Не правда ли, на наш вкус, даже слишком много... И все это время, заметим, они только и делают, что читают, а заодно еще и пишут. Скажете, это совсем другое дело? Разве? Чем же?

Текст в современном понимании этого слова окружает нынешнее поколение со всех сторон – они попросту вовлечены в него, от него никуда не деться.

Во-первых, по объему совершенно точно они опережают и наше, и предыдущие поколения, то есть читают много, регулярно, осмысляя прочитанное и живо реагируя на него. **Во-вторых**, приличная френд-лента включает в себя не только размышления о котятках, но и статьи, музыку, фильмы, книги, картины и т. п. Таким образом, текст в современном понимании этого слова окружает нынешнее поколение со всех сторон – они попросту вовлечены в него, от него никуда не деться. Вследствие этого шанс современного человека на личностное взаимодействие и с классической литературой намного выше, чем когда-то. Разве это можно сравнить

с тем, что было лет, скажем, двадцать назад, когда единственная дорожка к литературе прокладывалась семьей и иногда – школой? Современное чтение стало намного более массовым.

Нет-нет, пожалуйста, не думайте, что я против «классического» чтения. Я за! Вопрос в том, что с этим «за» можно и нужно делать. Я, конечно, счастлив, когда дети читают, хотя бы отчасти, те же книги, что читал я (по крайней мере, это дает нам больше тем для общения, сходные ассоциации и пр.). И, обещаю, буду продолжать делать все, чтобы «волшебный мир литературы» был для человека «своим». Но мне кажется, что путь к этой цели должен прокладываться с учетом того, что

**МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С СОВЕРШЕННО НОВЫМ ЯВЛЕНИЕМ,
КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ «ЧИТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ».**

Именно читающее, а не наоборот! (Помню-помню: «читающее, но не то, что нам бы хотелось». Однако это сути дела не меняет.) А то, что у кого-то из нас есть претензии к качеству текстов, так тут уж ничего не поделаешь – такова судьба всех предыдущих поколений по отношению к последующим...

Еще раз, взаимодействие, которое складывается у молодого человека с текстом сегодня, просто невозможно судить по законам, существовавшим еще несколько лет назад. Ну вы же видите – не получается! Так, может, не стоит отмечать галочками всякую книгу, прочтенную нашими детьми, а вместо этого попробовать осознать и принять нынешнюю культуру чтения? Или хотя бы поближе познакомиться с ней... Тогда дальше можно идти с ними рука об руку. И – обещаю – все пойдет иначе.

**#ДЕТИ🕒 #РОДИТЕЛИ📖 #ВОСПИТАНИЕ🕒
#ПСИХОЛОГИЯ🕒 #ЧТЕНИЕ📖 #НОРМА📖**

Пути интереса неисповедимы...

Им ничего не интересно. Только айпад, только телевизор, только... не то, что хотелось бы нам... Как же нам удастся сделать так, чтобы человек уже к семи-восемью годам перестал быть любопытным, превратился в скучного исполнителя чужой воли? Мариинский театр. Балет «Сильфида». Слышу громкий шепот:

Мариинский театр. Балет «Сильфида»

24 ч.

«Смотри, смотри, какие деревья! Ой, как балерина танцует! Видишь, дядя пошел к колдунье! Ой, а она – смотри, какая злая! Ах, какое красивое платье – ты заметила?»

♥ Нравится 📎 Комментарий ↗ Поделиться

Это диалог (с позволения сказать) мамы с девочкой лет семи. Указания, на что именно смотреть и как реагировать, не прекращаются ни на минуту. Антракт. Ничего не меняется. «Ты обратила внимание на люстру? А вот эту роспись на потолке – представляешь, как тяжело было сделать? Смотри, какие все нарядные – это потому, что в театр принято так ходить...» Но и это еще не все. Каждые пятнадцать минут устраивается экспресс-экзамен: «Ты запомнила, как ее зовут? А кто музыку написал? Зачем они ушли в лес? Увертюра – это?...» И так далее – по кругу.

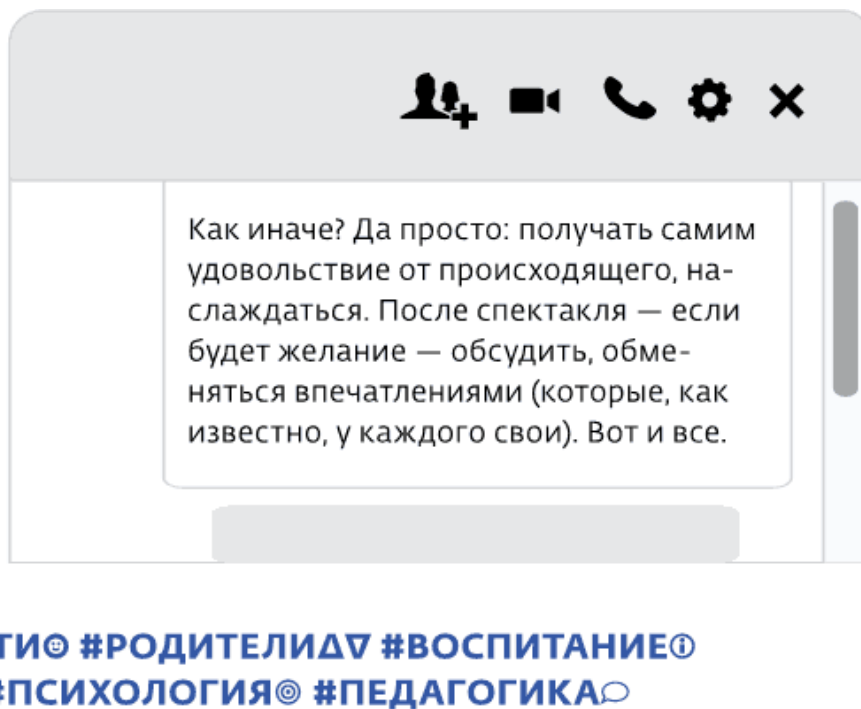
У бедной девочки практически нет шансов на **собственное впечатление**. Ее интерес полностью парализован. Она бы и получила удовольствие от балета, но где там! Пребывающая в ужасе от того, что что-то останется незамеченным, ее мама не дает ей ни малейшей возможности насладиться прекрасным. Знакомо?..

Неисповедимы пути нашего интереса. Бывает так, что, зацепившись за какую-то малюсенькую деталь, он разрастается все больше и больше – и вот уже включает в себя и музыку, и танец, и людей вокруг, и вообще целый мир.

Интерес важно не спугнуть. А для этого – просто нет другого выхода – необходимо полностью положиться на человека. Девочка чудесно разберется сама: что именно ее «цепляет», а что пока можно не замечать. Только при таком подходе и остается у нас чудесное впечатление от вечера, события, встречи. Ничего не поделаешь: интерес – штука спонтанная.

Возможно, приятно думать, что мы и есть самое главное в их жизни, что без нас они не в состоянии и шагу ступить. Что красоту они способны воспринимать только в рамках наших инструкций. Должен окончательно разочаровать читателя: это не так. Совсем не так. Наша роль значима, но она заканчивается в тот момент, когда мы купили билеты в театр. Вернее, наша роль как раз и состоит в том, чтобы дать человеку возможность и право на собственные впечатления. Иначе попросту невозможно этому научиться – тому самому непосредственному восприятию. Эффект, который достигается, прямо противоположен ожидаемому: человек в рамках инструкций разучивается видеть, слышать, воспринимать. У него отбирается право обращать внимание на прекрасные мелочи, его интерес подменяется интересом взрослого. И потом – совсем скоро – этот же взрослый и обращается к нему с претензией: «тебе ничего не интересно». Конечно, не интересно, ведь столько сил потрачено на убийство этого самого интереса!

Кстати, как обычно в подобных случаях, процесс является двусторонним: интерес взрослого погибает вместе с детским. Взвинченная мнимой ответственностью за чужое внимание, мама и сама, бедная, не видит, не слышит, не замечает, являя собой яркий и недвусмысленный пример для дочери.

Сравнение – мать насилия

«Посмотри, какая красивая девочка! Это потому, что она в платье», – услышал я, и снова «забродили старые дрожжи».

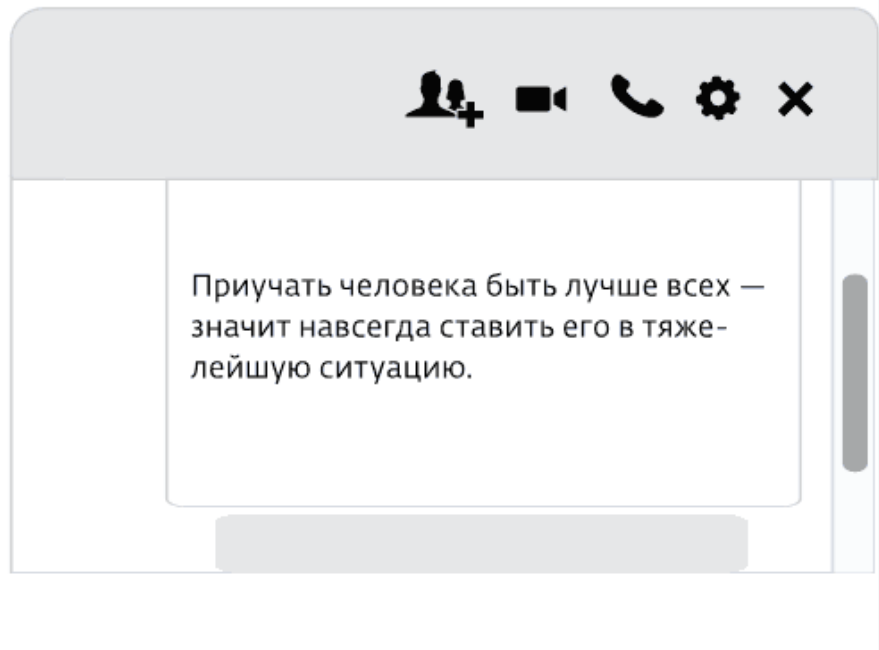
Шаг за шагом мы вгоняем детей в комплекс неполноценности. Последовательно и планомерно. Он будет проявляться в учебе, в дружбе, в любви. Потому что мы такие. Не умеем иначе и учиться не хотим. Незачем, мы-то живем как-то! Как-то...

Позицией человека, выросшего в постоянном сравнении и оценке, никогда не будет «я живу здесь и сейчас», «мне хорошо», «я чувствую это так», а только – «я хуже (лучше)», «на меня сейчас не так посмотрели», «я выгляжу полным идиотом», «наконец-то мама назвала меня молодцом», «я должен хотеть есть» и т. п.

Хитрость ловушки заключается в том, что мы сами **запутываемся в собственных манипуляциях**. Так, в одной ситуации мы с легкостью говорим: «Посмотри, как N хорошо учится», а в другой не позволяем ребенку сказать: «Все за контрольную получили тройки, и N тоже». Во втором случае мы немедленно парируем: «Меня другие не интересуют – у меня свой сын!» Как же! Не интересуют! Наоборот, только это меня и интересует сейчас. И последнее – чувства моего сына. Я хуже других! Я плохой родитель! Что будет, если все узнают... Я просто сам как отец не способен справиться с собственными чувствами. А инструмент сравнения и оценки всегда под рукой. А как же! Сколько лет учили!

Сравнение разъедает душу покруче, чем насилие. Оно в определенном смысле и является матерью насилия. С той разницей, что в ситуации насилия давят на меня, а когда меня учат постоянно сравнивать, я начинаю давить сам на себя. Всегда. Причем, в отличие от рефлексии, когда человек пытается разобраться в собственных желаниях и мотивациях, тут мы только и делаем, что страдаем. И нет в этом никакой дороги: мука никуда не ведет. Ведь даже если, для того чтобы утереть нос другу, я научусь летать, мое удовольствие будет коротким, сомнительным и агрессивным. Ведь это не я научился летать – это мой друг меня научил.

Один из результатов такого подхода мы часто наблюдаем. «У меня новая машинка», – радостно сообщает мальчик утром. «А у меня еще лучше!», «Мне купят две!», «Плохая у тебя машинка» – варианты ответов. При этом, безусловно, нормальной реакцией свободного человека является: «Классная машинка! Рад за тебя! Дай поиграть! Здорово!» и т. п. Неужели мы не хотим так? Или собственный комплекс неполноценности уже не дает нам даже хотеть?

Строго говоря, с этого момента он начинает существовать только при условии, что существуют другие. Нет больше его радостей, страданий, успехов. Есть только сравнения, одни сплошные сравнения. «Вот мальчик же не плачет!» А я вот плачу! Представляете?! Плачу! Потому что мне больно! Мне нужно тепло и помощь, а не сравнение! «Вот какая девочка красивая в юбке». А мне правда нравятся брюки. Хотите говорить по существу? Говорите! Давайте спорить! И девочка тут совершенно ни при чем.

Знаю, знаю наперед примеры, которые мне приведут: Моцарт и ему подобные. Если бы их, мол, не заставляли быть лучше других, ничего бы из них и не вышло... Неправда! Во-первых, не знаем мы, что вышло бы, а что нет. А во-вторых, более несчастных людей, чем иные «лучше других», я не знаю.

Неумение принять себя, свои мысли, свои чувства убивает на наших глазах целое поколение.

Из какого сумасшедшего комплекса сравнения появляется принцип «все америкосы – говно»? Из какого самоуничтожения вырастает формула «мы всех порвем»? Не «я смогу, потому что мне это важно», а «порвем кого-то», потому что это единственный шанс БЫТЬ для меня... А вот из какого: сравнение неминуемо приводит человека к унижению других, к ненависти, к окончательной потере себя самого, если нет никого, с кем можно сравниться. Сравнения, естественно, в свою пользу. И любой ценой.

«В работе мы как в проруби, в постели мы как на войне» ©. Чудесный результат.

Необходимость постоянно доказывать – папе, учителям, друзьям – разрушает наших детей. Человек окончательно теряет право на самость. На независимую самость.

«А я могу всех победить, а она не может», – говорит мне маленький мальчик, указывая на сестренку и ища моего одобрения. Думаете, это природа его такая? Успокаиваете себя тем, что это не вы его научили? Еще как вы! И все мы.

Сегодня критерием успеха все больше становится гармония, умение верно выбирать то, что человеку по душе, умение соответствовать самому себе.

Воплощать собственные стремления не проще, чем побеждать мифического врага (предварительно его выдумав, конечно). Часто услышать себя и достичь собственной цели намного сложнее, чем просто с кем-то соревноваться. Этот серьезный труд требует в первую очередь внутренней свободы. Которая появляется только при условии существования права человека на себя. Без условий и контрибуций. Без соседского мальчишка и папы-медалиста. Просто так. Потому что это право есть от природы. Не отнимайте, а?

**#ДЕТИ☉ #СЕМЬЯ🏠 #РОДИТЕЛИΔV
#ПЕДАГОГИКА⊖ #ВОСПИТАНИЕ⊙**

Ода синдрому

«Послушайте, да он же у вас просто гиперактивный! – возмущенно заявляет учительница маме девятилетнего сына. – А еще он рассеян, невнимателен, да и вообще – никудышный ученик!»

И приходит расстроенная мама и умоляет хоть чем-то ей помочь.

Знакомимся мы с ее сыном, и выясняется, что он... просто живой. Да-да, в смысле – живее других. То есть активнее, непосредственнее, ярче. Но диагноз поставлен: он никудышный ученик! На современном языке этот «диагноз» имеет научное название: СДВГ. Слыхали такую аббревиатуру? Расшифровывается она так:

СДВГ – СИНДРОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ.

Нет-нет, погодите говорить «эта тема слишком специфическая, и мы тут совершенно ни при чем». Дело в том, что уже завтра вы неожиданно для самих себя можете оказаться более чем при чем. Ведь СДВГ ставят сегодня чуть ли не каждому четвертому ребенку. Любое отклонение от так называемой нормы все чаще называется именно так. Это, кстати, очень удобно, когда диагноз всегда под рукой, не правда ли, коллеги?

Критичен? СДВГ. Непоседа? СДВГ. Перебывает старших? СДВГ. Бежит, когда другие боятся сдвинуться с места? Опять СДВГ.

Что же это за штука такая? С одной стороны, родители, однажды познакомившись с этим «диагнозом», боятся его как огня, считая, что уже само упоминание СДВГ способно испортить жизнь. Но с другой – все больше семей сталкивается с этим определением сущности их ребенка. И чаще всего оно обрушивается на родителей внезапно, приводя их в состояние беспомощности и растерянности. Так что стоит попробовать разобраться.

Для начала отвечу на возможный вопрос, отчего я ставлю слово «диагноз» в кавычки. Да потому и ставлю, что диагноза тут, похоже, никакого нет. Речь идет о личностной особенности, причем особенности удивительной!

«Но позвольте, – возразят родители и учителя, – значит, нет никакого СДВГ? Отчего же тогда мы все чаще и чаще сталкиваемся с этой аббревиатурой?» А вот этот вопрос действительно интересен.

Все дело в том, что в современном мире дети в самом деле все менее походят на своих предшественников. Все чаще миром востребованы такие качества, которых у нас с вами нет и в помине. Более того, это те самые качества, которые нашими прежними наставниками не так давно безоговорочно объявлялись безусловным злом. Часть из них вполне можно перечислить:

- **скорость реакции** (ср. «сначала думай, потом – говори»)
- **умение делать несколько дел одновременно** (ср. «закончи одно, потом принимайся за другое»)
- **сосредоточение сразу на нескольких объектах** (ср. «надо уметь выбирать главное»)
- **способность к размышлению в движении** (ср. «сядь спокойно, не вертись»)
- **спонтанность** (ср. «помолчи, потом поймешь»)

Да и многие-многие другие. На наших глазах вслед за технологическими и структурными изменениями нашей жизни естественным образом происходят изменения в структуре личности. Когда я (и не я один) раз за разом твержу о способности современных детей одновременно

писать, слушать музыку, есть мороженое и собирать конструктор – это и есть то, что все чаще называют СДВГ. Совсем недавно это считалось отклонением от так называемой нормы. Да и сейчас еще считается. Во множестве статей на эту тему авторы, с одной стороны, ужасаются все возрастающему проценту детей с СДВГ-особенностью (называется цифра до 25 %!), а с другой – призывают как можно скорее найти способ «лечения». А между тем, если речь идет уже о настолько массовом явлении, может, как говаривал М. М. Жванецкий, «пора в консерватории что-то поменять?»

Совсем недавно взрослые считали своим долгом сделать все, чтобы отстроить жизнь и мировосприятие такого живого ребенка по своим лекалам. А между тем все более ясно, что этому давлению противостоит некое базисное свойство нынешнего поколения. Свойство, которым мы не владеем. И смириться с которым нам сложно по целому ряду причин.

А в качестве «довеска» еще одна особенность современных детей проявляется все более явно: они способны к сопротивлению. Всеми доступными способами. Они не собираются автоматически принимать на веру наши догмы. И, заметьте, в их детстве, в отличие от нашего, есть огромное количество возможностей не только усомниться, но и проверить эти самые догмы.

Вот что пишет Питер Грей, профессор психологии из Бостонского колледжа:

Питер Грей

24 ч.

«СДВГ можно назвать синдромом конфликта со школой. Что означает диагноз СДВГ? Попросту говоря, это неспособность ребенка адаптироваться к условиям обычной школы. Большинство диагнозов опираются на наблюдения учителей. Обычно «проблемный» ребенок становится источником постоянного раздражения учителей: он невнимателен, не выполняет заданий, мешает классу, вертится, болтает, и учитель последовательно подводит родителей к мысли о необходимости консультации специалиста о возможном наличии СДВГ. Стандартные диагностические анкеты содержат мнение учителя и родителей относительно поведения ребенка. Если оценки отвечают заданным критериям, ставится диагноз. Ребенка затем могут посадить на... различные препараты... и конфликтов в школе сразу становится гораздо меньше. Ребенок делает то, что сказал учитель, дисциплина в классе восстанавливается, и родители облегченно выдыхают: лекарство работает!»

♥ **Нравится # Комментарий ↗ Поделиться**

На всякий случай оговорюсь: безусловно, есть люди, которым нужна помощь, в том числе и медикаментозная. Но ведь, когда человек, не умеющий справиться со своим раздражением, принимает успокоительное, нам (надеюсь!) не приходит в голову объявлять его больным. Вот так же, имея дело с частным случаем, когда лекарство необходимо, не стоит, поддаваясь соблазну, торопиться объявлять частное общим.

Не буду сейчас писать, откуда берется эта личностная особенность. Читайте сами, написано действительно много. Лишь для примера приведу слова замечательного Кена Робинсона:

Кен Робинсон

24 ч.

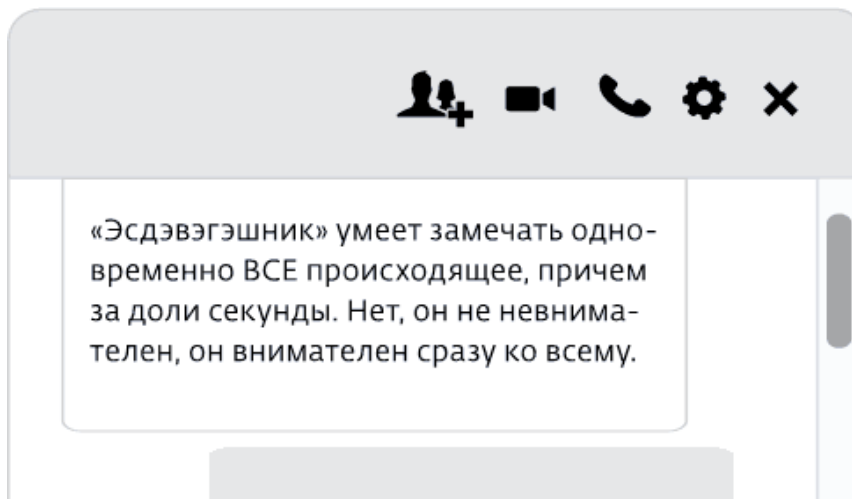
«В результате действия нынешней модели образования наблюдается целая эпидемия, которая по большому счету является фикцией. Это эпидемия СДВГ (синдрома дефицита внимания и гиперактивности). В наше время на детей действует больше раздражителей, чем когда-либо в истории человечества. Каждый источник информации старается завладеть их вниманием, будь то компьютеры, сотовые телефоны, реклама или телеканалы.

Но им нельзя на это отвлекаться, иначе их ждет наказание. Отвлекаться от чего? От скучнейшей тягомотины, которую преподают в школах».

♥ Нравится # Комментарий ↗ Поделиться

Знаете, зачем я пишу это, дорогие родители будущего или настоящего «эсдэвэгэшника»? Да просто хочу поздравить вас с замечательным ребенком!

Действительно – замечательным! Расскажу вкратце, как примерно это явление выглядит в его ежедневной практике.

Пишет, скажем, человек контрольную и вдруг видит за окном прекрасную бабочку. Многие одноклассники ее попросту не замечают. А это ведь, согласитесь, так важно! И совсем не очевидно, что контрольная важнее. Вот и стремится наш СДВГ-герой привлечь внимание всех на это явление. Понимая, что происходит нечто важное, он просто должен немедленно поделиться этим важным со всем человечеством. Это не преувеличение – действительно со всем!

Еще пример. «Эсдэвэгэшник» умеет замечать одновременно ВСЕ происходящее, причем за доли секунды. Нет, он не невнимателен, он внимателен сразу ко всему. И сразу на все реагирует. Он видит, как одета учительница, замечает упавший у кого-то карандаш, портрет писателя на стене, слышит разговор друзей на задней парте, замечает, как движется секундная стрелка на часах, одновременно вспоминая вчерашний вечер и думая о вечере сегодняшнем. Взрослые твердят ему, что нужно выбирать главное, но как его выбрать? Что тут главное? Поди разберись!

Почему, скажем, он куда-то бежит (а не идет)? Да потому что сейчас, именно в эту секунду, он должен быть в другом месте. Обычный человек остановится и подумает. И, возможно, останется на месте. А наш герой, подверженный минутному порыву, немедленно должен оказаться именно там, куда влечет его мысль. А мыслит он очень быстро. Да-да, он мыслит прямо противоположным образом, чем это обычно представляют. Он оперирует долями секунды.

Еще одна особенность: такой человек выражает свои чувства неординарным, непривычным для нас способом. Например, если его обидели, он вовсе не обязательно «даст сдачи». Более того, требовать от него такой реакции – значит вступать в конфликт с самыми базисными свойствами его личности. Его чувство справедливости устроено иначе: он переживает любую ситуацию намного ярче, чем мы с вами. Количество ассоциаций в такие моменты просто

зашкаливает, и предложить ему механически заменить одну реакцию на другую – значит заставить его предать самого себя. Представьте себе мультфильм с очень яркими цветами. Такими яркими, что глаза режет. Вот так примерно он и видит наш мир, так и живет в нем – ярко и сочно. (Думаю, вы понимаете, что по той же причине «эсдэвэгэшник» с другим характером в подобном случае может дать сдачи так, что мало не покажется...)

Я совершенно уверен, что для людей с так называемым СДВГ предусмотрена удивительная судьба. Если, конечно, не перепахать их в детстве. Это ведь удивительный дар – ощущать такую одновременность событий. Именно дар, который может обернуться настоящей наградой и для него, и для окружающих.

Но, увы, в рутинной практике эта награда может показаться проклятием. Причем и ему, и нам. Ведь мир построен по определенным лекалам. Мы хотим видеть их рассудительными, степенными, весомыми. А «эсдэвэгэшник» попросту не может, не умеет быть таким.

А еще добавим, что он знает об этой своей особенности. Уже потому, что ему постоянно на нее указывают. И поэтому, когда его вновь и вновь ругают, очень расстраивается. Расстраивается по модели «ну вот, опять я сорвался, опять не смог, опять выясняется, что я никчемный урод, совсем непохожий на нормальных людей...»

То, что нам следует делать, – это не менять его, а помогать познать самого себя. Помогать, помня о том, что для нас часто неведомы его инструменты взаимодействия с действительностью. Причем делать это осторожно и терпеливо. Вот тогда и научится он владеть этими собственными инструментами, превращая набор случайных и непривычных для нас цветов в поразительную по красоте палитру.

Главное средство помощи – положительная обратная связь. Не «у тебя опять ничего не получается», а «смотри, как ты можешь». Не «посмотри на хороших мальчиков и девочек и стань таким же», а «расскажи мне, как это происходит у тебя, и мы вместе попробуем найти новые возможности использовать твои умения». Не «ты совершенно несносен», а «я знаю, что тебе, как и мне, бывает тяжело, но мы непременно найдем способ изменить это».

И тогда перед ним открываются настоящие голубые дали. И выясняется, что СДВГ – синдром артистов и художников, изобретателей и психологов, мечтателей и новаторов. Точнее, это синдром всех профессий, где востребована повышенная рефлексия, быстрота реакции, способность ощущать собственную и чужую боль, замечать то, мимо чего другие просто пройдут не оглядываясь.

Не надейтесь, они никогда не будут «нормальными». И навсегда останутся неудобными. Но перед ними открыты удивительные и разные дороги. И в определенном смысле от нас зависит, станут они черными меланхоликами, разочарованными в окружающем мире, находящимися в перманентном конфликте с его ритмом, нормами, догмами, или яркими, открытыми, творческими. Такими, какими их создала природа на радость нам всем и им самим.

Будете ломать – получится первое. Будете поддерживать – второе. Вот и выбирайте.

Так что да здравствует СДВГ! И радуйтесь, дорогие родители, если у вас неудобный ребенок. И не торопитесь его менять. Он все равно не изменится. Максимум – огрубеет и станет законченным невротиком. А вместо этого всегда помните, что ему нелегко. Нелегко, но очень интересно, намного интереснее, чем нам с вами. И тут, безусловно, есть чему завидовать. И учиться.

«Что посеешь, то и пожнешь»

«Что посеешь, то и пожнешь» – страшный и опасный педагогический принцип. Потому что он работает.

Удивительно, но в педагогике паттерны перенимаются с такой скоростью, что часто и не уследишь... Скажем, маме очень-очень важно, чтобы обувь ребенка всегда оказывалась на своем месте. За это она готова биться день и ночь, любыми доступными ей способами. Бьется она, бьется и добивается на первый взгляд неожиданного эффекта: сын перенимает ее нетерпимость, выучивает преподанный материал, как и положено хорошему ученику, и начинает пользоваться новым навыком. Ботинки он на место, может, и не ставит, но «наезжает» на маму виртуозно. Причем с каждым днем все лучше и лучше, в особенности если опыт подкрепляется новыми «уроками». Разве это не типичный образовательный процесс? «Он постоянно бьется в истерику!» Интересно, как он этому научился?..

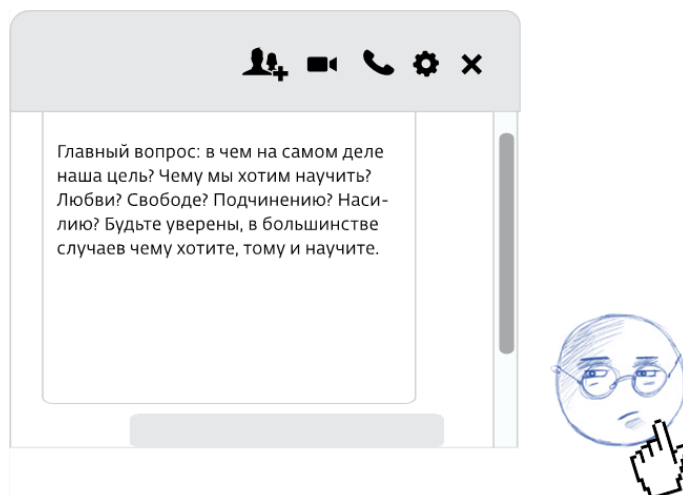
А вот еще. «Он с детства хотел быть самым сильным – наверное, поэтому он и не делает то, что я прошу, считает это слабостью». Начинаем разговаривать, и быстро выясняется, что установка «мужик должен быть грубым, властным, самостоятельным» возведена у мужской части семьи в основной принцип жизни, лишь бы не показать слабинку, лишь бы не проиграть. «Ага, значит, люди живут именно так», – как бы прикидывает ребенок и учится этому, перенимая модель легко, как и положено в его возрасте.

Кстати, **парадигма войны**, столь свойственная нынешним детям, не просто идет от взрослого мира, она жестко навязывается им, демонстрируется как единственно возможный способ жить. Мир глубоко враждебен, поэтому нужно быть сильным и стойким чтобы непременно «всех порвать», выиграть соревнование (которого, вероятнее всего, нет и не было), опередить «врага». Подтверждений сколько угодно. Скажем, ведет учитель урок на самую что ни на есть гуманную тему – образ Мышкина из «Идиота». Предположим, говорит о смирении и принятии другого. Кто-то из учеников «плохо себя ведет» – разговаривает, вертится, пускает самолетик и т. п. Учитель закипает и кричит: «Вон из класса!» Что, на ваш взгляд, воспримет ученик? Неужели теоретический материал о любви к ближнему окажется сильнее практики? Ни за что! Урок был блистательным. Ученик освоил материал. Правда, не совсем тот, который собирался преподавать учитель, но что поделаешь – издержки профессии. Хотел научить принятию, а научил насилию...

Как вы думаете, сколько раз человеку нужно увидеть собственную маму в состоянии агрессии, обиды, унижения, для того чтобы перенять модель? Правильно, нескольких раз достаточно. Что будет потом? Вариантов много, уж точно больше одного. Возможно, человек уяснит для себя, что мир враждебен и следует затаиться; возможно, подумает, что необходимо всегда быть готовым дать отпор; может быть, испугается и решит «не связываться» – все бывает по-разному, в частности, в зависимости от характера. В одном можно быть уверенными: урок состоится и будет успешным.

Самые интересные и сложные ситуации у нас в школе, когда человек приходит к нам из другой системы. То есть когда он уже «обучен». Чаще всего (хотя и не всегда, конечно) он абсолютно уверен в том, что мир глубоко враждебен. Силы, которые человек тратит на то, чтобы доказать, что ОН ЕСТЬ, воистину огромны. Он просто поначалу не может поверить, что его воспринимают вне зависимости от «побед и поражений», что эти победы с поражениями часто существуют лишь в его голове. Как это происходит? Какую школу он прошел? Почему первое, что приходит ему на ум в общении с другими, – это что его хотят победить? Что он существует только в сравнении с другими, только если он сильнее, важнее, страшнее, богаче... Удивительно, что одновременно у такого человека существуют две тенденции поведения: либо

«побеждать» – бить, ругаться, хамить, отнимать что-то у других, то есть сражаться за себя любым способом, либо просто не принимать участия в том, что, на его взгляд, не принесет так называемой «победы» – от урока до игры.

Обычно нужно немало времени, чтобы человек заново поверил: он **интересен и важен** сам по себе. А как без этой веры двигаться дальше? Как учиться математике, например, если в голове лишь победа или поражение? А если параллельная система все работает и работает: «Давай-давай, важно не научиться математике, а оказаться лучше других, выдержать экзамен, поступить в университет...» Скажете, одно другому не противоречит? Не согласен! Противоречит почти на 100 %. Это ведь совсем разные цели – победить и научиться... А учиться, исходя из вынужденности, чтобы стать «главным», – совсем другой подход, другое отношение к учению. Да и к самому себе.

Главный вопрос: в чем на самом деле наша цель? Чему мы хотим научить? Любви? Свободе? Подчинению? Насилию? Будьте уверены, в большинстве случаев чему хотите, тому и научите. Только нужно помнить один маленький секретик. Малюсенький. Микроскопический... Надо бы хорошо осознавать, чего вы на самом деле хотите и что, соответственно, вы на самом деле делаете. Это как в «Сталкере»: будет выполнено самое заветное желание, и горе нам, если мы не отдавали себе в нем отчет. Сюрприз может обернуться настоящим несчастьем. И ничего не поделаешь – сами научили. Одна мама обращается к нам в отчаянии: «Он все время меня обманывает. Рассказывает о каких-то бесконечных конкурсах, в которых он побеждает, что его обижают, а он все-таки «выстаивает», что у него одни пятерки (а на деле все наоборот)». Разговариваем. Выясняется, что мальчик просто очень (!) хороший ученик. Долго-долго ему всеми способами давали понять, что его принимают только в случае, если он первый. Во всем. Что же тут не так? Урок оказался усвоенным. Правда, обнаружили побочные эффекты: школу ненавидит, слабых обижает, родителей обманывает.

Есть, однако, и свет в конце этого тоннеля. Не стоит рассматривать отношения с человеком (и дома, и в школе) как нескончаемый педагогический процесс. «Научить» – понятие зыбкое, научиться – конкретное. Поэтому давайте будем осторожны, ставя перед собой цели и выбирая пути их достижения, давайте помнить, что мы часто не властны над тем, что человек выучивает. Когда мы имеем право на себя, наша способность услышать, заметить, принять намного выше.

Будем агрессивны, жестоки, доминантны – именно **этому и научим**. Будем принимать, любить, слышать – **дадим себе шанс** быть принятыми, любимыми, услышанными. И в мелочах, и по-крупному.

 Нравится

 Поделиться

 Комментарий

Написать комментарий

Профориентация: cui prodest

Все начинается с невинного на первый взгляд, а по сути – наипошлейшего вопроса, обращенного к человеку лет пяти-шести: «Кем же ты хочешь быть, когда вырастешь?» Сама постановка вопроса, если вдуматься, подразумевает полную никчемность объекта: «Сейчас-то ты, понятно, никто и ничто, а вот когда вырастешь – другое дело!.. Это ведь так важно, кем ты будешь, намного важнее, чем то, кем ты являешься сейчас!»¹

Именно этим – антиличностным – подходом и определяется вся сфера так называемой профориентации. Между тем, на мой взгляд, человек может определиться со своим настоящим и будущим, только если для него важно как раз кто он сейчас, каков он, чем интересуется, о чем мечтает...

Хорошо ли, если человек в четырнадцать лет знает, кем хочет быть? Само собой всплывает в голове однозначное «да». Еще бы! Ведь, кажется, именно это понимание делает его самостоятельным, умным, ответственным, наконец, ценным в глазах взрослого мира.

А вот мне, знаете ли, кажется, что это скорее плохо – знать в четырнадцать лет, кем ты будешь. Когда уже в четырнадцать прорыта для человека колея на всю, с позволения сказать, жизнь, упирающаяся в могилу... 14 (13, 15, 16) – чудесный возраст, когда так здорово прикидывать и проверять на самих себе самые разные возможности, пробовать их на вкус, трогать руками, сомневаться, решать заново, думать и передумывать... Что же хорошего в том, что человек отрезает все эти чудеса и принимает «единственно правильное решение»?

Конечно, у человека может быть выраженная склонность к какому-то занятию, но ведь склонностей этих часто намного больше одной, разве нет? Да и часто ли соответствует этой склонности профессиональный выбор?

Молодому человеку диктуется необходимость как можно скорее определяться с будущей профессией, а иначе... Впрочем, что именно произойдет иначе, отдается на откуп фантазии говорящего взрослого. Тут и занятия общественной работой, и нищенское существование, и презрение родственников и друзей, и прочая, прочая, прочая...

А между тем наша цель должна быть прямо противоположной: создание уверенности человека в собственной – личностной – ценности. Ведь только понимая, кто он, чего хочет, чем интересуется (при всей условности этих вопросов), он сможет ответить и на вопрос, какая сфера принесет ему максимальную самореализацию. Иначе у него попросту нет инструментов для поиска этой сферы.

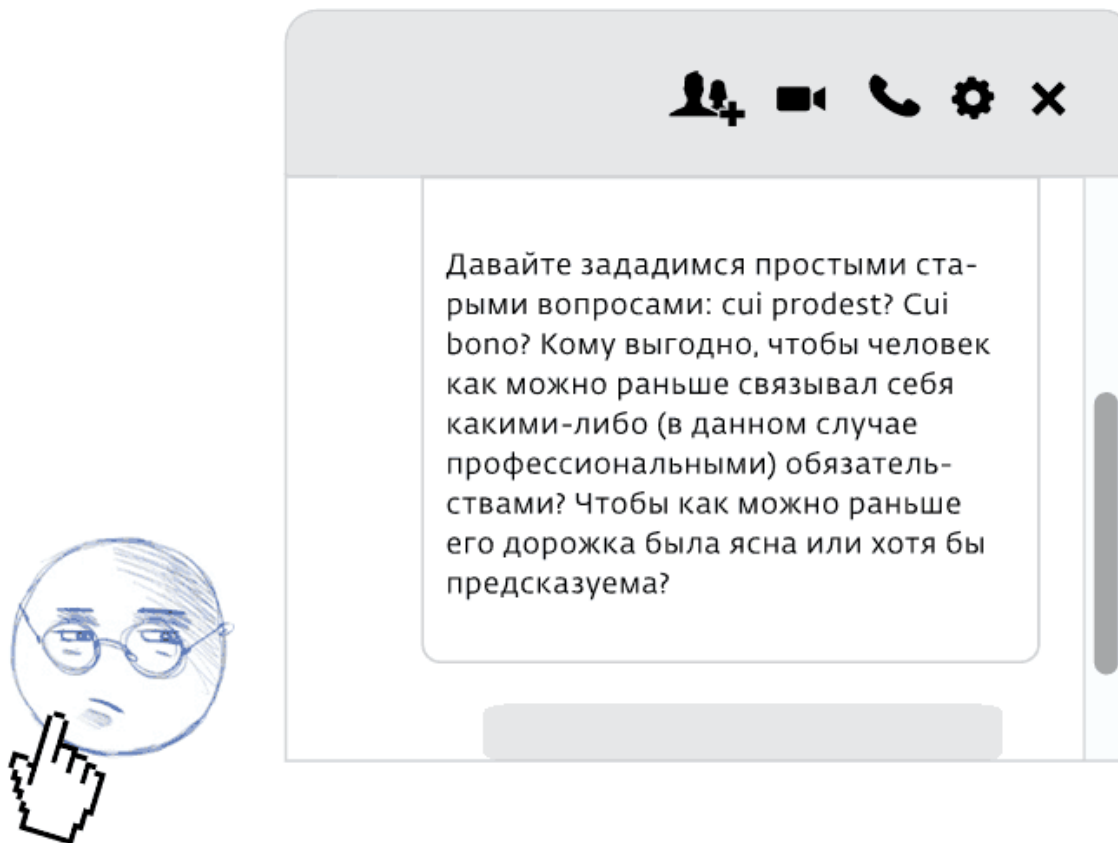
Настоящая профориентация именно в том и состоит, чтобы создать условия, при которых человек поверит, что может быть тем, кем захочет, поймет, какие инструменты ему интересны, необходимы. Условия, в которых возможно учиться понимать себя, свои желания, свое предназначение, наконец. Понимать, где, в какой области самопознание и взаимодействие с миром будут наиболее яркими и развивающими.

Можно и нужно менять направления, можно и нужно пробовать новое, можно и нужно брать тайм-ауты. Бывает страшно? Конечно, еще как! Именно поэтому целые поколения выдумывали миф о том, что одно место работы на всю жизнь – это и есть настоящая романтика, что, приняв однажды решение о будущей профессии, ни в коем случае нельзя его менять, даже если очень хочется, даже если мир изменился, даже если от работы ужасно тошнит.

¹ И кстати, никогда не понимал, как можно на этот вопрос ответить, если хочешь быть одновременно продавцом мороженого, космонавтом, профессором в университете, певцом, учителем, артистом, археологом, ну и т. д. А ведь в большинстве случаев именно так и бывает: человек владеет целым миром, верит до поры до времени, что все будет, как захочет он. Все это так, пока нас не вгоняют в прокрустово ложе единственного ответа.

Однако кроме личных страхов есть еще причины, по которым сфера профессионального самоопределения оказалась вывернутой наизнанку.

Боюсь, раз за разом мы утыкаемся в один и тот же ответ: такая постановка вопроса выгодна только тем, кто хотел бы управлять нами и нашими детьми. Управлять так, как удобно им. Если хотите, мы можем использовать слова «система» или «государство» – как вам привычнее. Ни в одной сфере не существует такой (умышленной!) путаницы между тем, что нужно государству, и тем, чего ищет личность. Государство, наверное, можно понять...

Ведь это и правда чертовски удобно, когда впереди одна колея, прямая, как стрела, когда нормой становится отсутствие фантазий о собственном будущем, настоящем и прошлом. Как будто специально (думаю, что так оно и есть) создается иллюзия: знание того, кем ты хочешь стать, и является самоцелью. Выбить из человека это признание, а затем связать его собственным словом, желательно на всю жизнь.

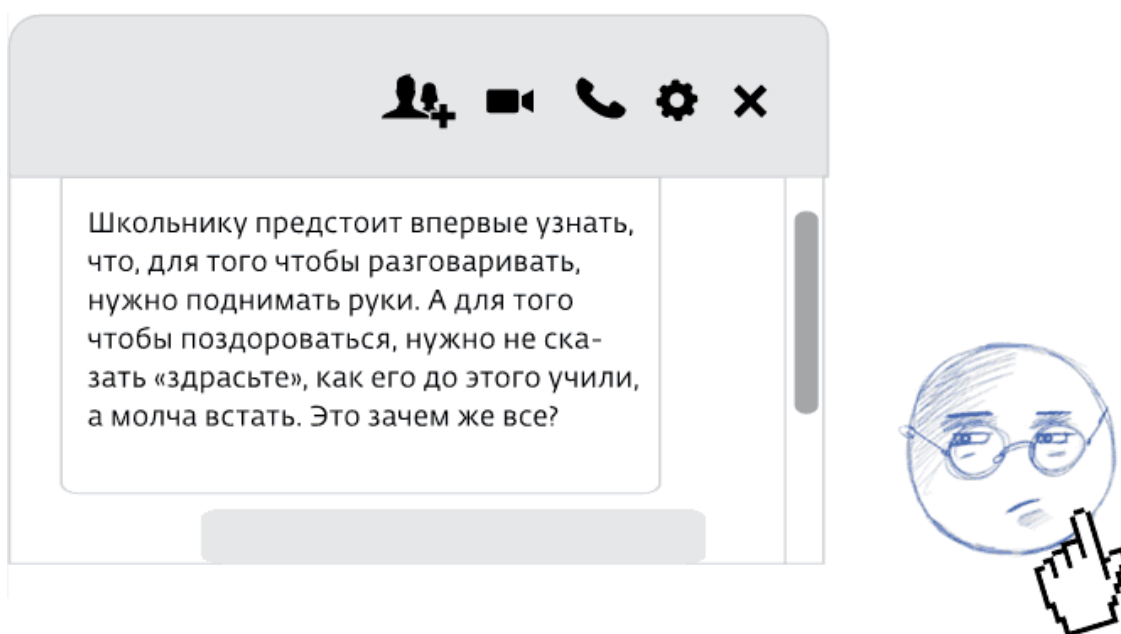
Мы ведь так удобны, когда уже в четырнадцать лет понятно, чего от нас ждать, когда мы сами начинаем верить в то, что меняться, придумывать, расширять рамки, проверять новые дороги, отказываться от прежних решений – это плохо, а истинной ценностью является одна дорога, одна профессия, одно место работы... Одна – та самая – колея.

Государство понять, наверное, можно. А нас?..

#ДЕТИ👤 #ШКОЛА📖 #СЕМЬЯ🏠 #РОДИТЕЛИ👨👩
#ПЕДАГОГИКА📚 #ГОСУДАРСТВО🏛️
#ПРОФЕССИИ👔

«Первое сентября как похороны»

Итак, давайте вспомним, как устроено первое сентября. То самое, которое «первый раз в первый класс». Построенные рядами дети, цветы, речи, траурное одеяние, которое возвращается в этом году с нашего молчаливого согласия. Воля ваша, а мне ну никак не избавиться от ассоциации с похоронами... К кому обращена речь директора школы? Уж конечно, не к тем, кто в первый класс пришел. Речь «виновнику торжества» обычно совсем непонятна. Он, бедный, занят тем, чтобы выжить в этой жесткой ситуации. Когда-то в начале 90-х наши коллеги провели любопытное исследование. Оказалось, что около 60 % новоявленных школьников, извините, писаются первого сентября. В честь праздника, так сказать. Так им хорошо там. Цветы, призванные скрасить отрицательные ощущения, не слишком помогают. Они, конечно, добавляют пафоса, но при этом окончательно запутывают как детей, так и учителей. Традиция цветов, принесенных первого сентября, начинает лживую дорожку, обязывающую относиться к школе со странной благодарностью. Не как к институту, созданному для человека и призванному быть комфортным, гуманным, мягким, помогающим наиболее удобным способом познавать мир и самого себя, а как к неизбежному злу, к которому уж лучше относиться с известной долей ностальгической симпатии. Себе дороже. «Когда уйдем со школьного двора-а-а...» Счастье – настоящее счастье – будет, когда уйдем. Но пока обманем собственных детей. «О, школа – это прекрасная пора...» Нет, никакая не прекрасная. Возможно, неизбежная пора. Но совершенно точно – тяжелая, часто унижительная, требующая понимания и поддержки. Подумайте, быть может, вы готовы дать эту поддержку, заменив ею тупой восторг и умиление?

Вообще, это особый денек. Дальше – больше. Школьнику предстоит впервые узнать, что, для того чтобы разговаривать, нужно поднимать руки. А для того, чтобы поздороваться, нужно не сказать «здрасьте», как его до этого учили, а молча встать. Это зачем же все? Врем про то, что «так вести себя интеллигентно и правильно», а на самом деле большинство учителей просто не умеет организовать учебный процесс, не «вырубая» детей. Вот и поднимают они руки уже в шесть лет, и встают, вместо того чтобы доставлять удовольствие себе и близким разговором, объятиями и пр. Дети строем входят в систему, которая и доведет их до полного личностного нивелирования. Во всяком случае, очень постарается.

Вспоминаю историю, рассказанную мне человеком, которому сегодня далеко за семьдесят. Его, как и всех нас, задолго начали готовить к первому сентября. Он радостно устремился в школу – поднимал руку, был внимателен на первых своих уроках, слушал учительницу. Вернулся домой счастливым – все прошло наилучшим образом... И вот настало второе сентября. Рано утром мама разбудила его: «Коленька, вставай». «Зачем же?» – недоумевал первоклассник. «Как же, в школу пора...» А Коленька – в слезы: «Я ведь уже вчера сходил!...»

Только теперь он понял, что вся эта затея – всерьез и надолго. И праздник обернулся детским огорчением. На десять лет. До сих пор вспоминает он ту горечь, которую испытал тогда. Это, конечно, анекдот... Но, ох, значимый анекдот...

В школе ведь все так. Всерьез и надолго. Ну, например, разве это удобно – учиться группой в тридцать человек, сидя в затылок друг другу? В самом деле, почему в классе обычно такая странная мизансцена? Я имею в виду фронтальное (относительно учеников) местонахождение учителя, посадку «лицо к спине», лишаящую учеников возможности встретиться взглядом, ровные ряды парт и пр. С точки зрения дидактики в этом нет практически никакого смысла. Что же это? Ответ для меня очевиден: это наиболее простой способ управлять личностью. Причем в основном путем подавления. Помните первый класс? Слова учителя: «Ну-ка, подровнялись, правый ряд – закрыли рты, левый – на меня смотреть, полная тишина... А теперь тихонечко сели...» Это как поворот выключателя. Зачем? А затем, что иначе учитель не умеет. Вернее, вести себя именно так от него требует система. Он может только вырубить ток, выключить энергию, лишить ученика его права на собственное поведение, даже на самую концепцию собственного поведения. Глядя в затылок впереди сидящего, отвлекаться труднее. А на самом деле труднее думать... Учитель превращается в единственный объект для ученика. Есть только он. «Всем сидеть! Молчать! Закрыть рты! Слушать меня!» Вспомнили? Не страшно?..

С точки зрения адаптации существует несколько вариантов реакции на подобное обращение.

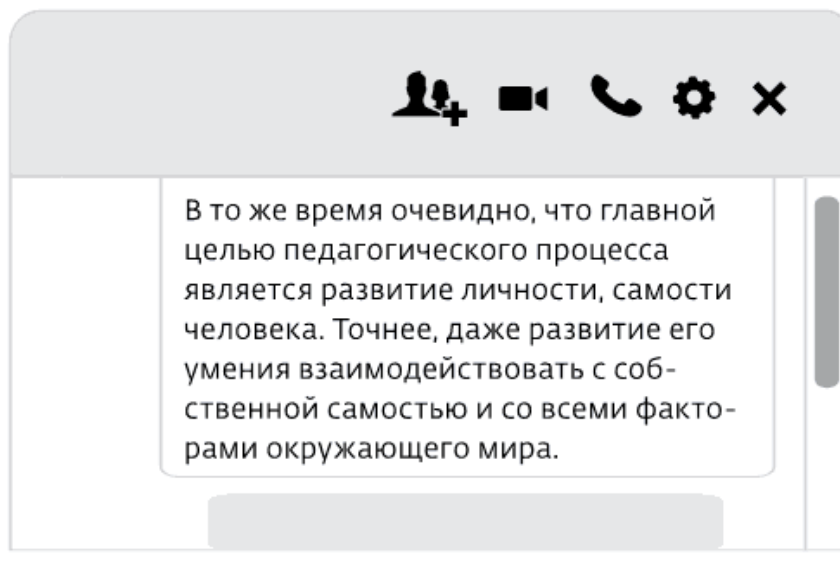
Реакция первая: «Я хороший». Этот способ взаимодействия с реальностью предполагает «хорошее поведение», то есть выполнение всех требований того, кто сильнее (в нашем случае – учителя, воспитателя и пр.). В этом случае человек, независимо от своих склонностей, желаний и пр., ведет себя «подобающим» образом: молчит, когда хочет говорить, встает, когда хочет сидеть, говорит, когда хочет молчать, и пр. Он, конечно, научается делать не то, что хочется, только вот зачем? Многие скажут: легче жить будет... Ой ли?..

Реакция вторая: «Я плохой, но делаю вид, что хороший». Это когда я веду себя как хочу, но стоить только на меня взглянуть – вытягиваюсь в струнку, замолкаю, выписываю в тетрадке и т. п. В этом случае мы учимся такому необходимому навыку, как вранье. Причем, поскольку большинству учеников все-таки невдомек, почему нужно вести себя именно таким, а не иным образом, главное тут – подчинение, основанное на страхе. Я делаю вид, что хороший, иначе мне попадет.

Реакция третья: «Я плохой». Она, прямо скажем, является наиболее редкой. По понятным причинам: сложно противостоять тем, кто по определению не просто сильнее тебя, но и с легкостью может испортить твою жизнь. Однако встречаются посетители школ и других образовательных учреждений, которые бескомпромиссно остаются самими собой. Поскольку чаще всего это принимается за хулиганство (которым, впрочем, часто впоследствии и становится), жизнь их, мягко говоря, непроста.

И наконец, еще один способ взаимодействия с описываемой действительностью я люблю очень, хотя и встречается он нечасто: «Я хороший, но делаю вид, что плохой». Этот способ, на мой взгляд, является наиболее творческим. Его логика примерно такова: «Мне и

самому-то приятнее существовать в тишине и покое в классе, но принуждение меня унижает. Поэтому я буду ему противостоять!» Да здравствуют герои!

Заметим, все четыре упомянутых способа являются примерами извращенного поведения. Все они так или иначе предполагают насилие над личностью. Среди них нет простого и понятного поведения: я веду себя так, как считаю нужным. Я – такой и имею право таким быть. Сами знаете, что является результатом такого подхода, не правда ли?

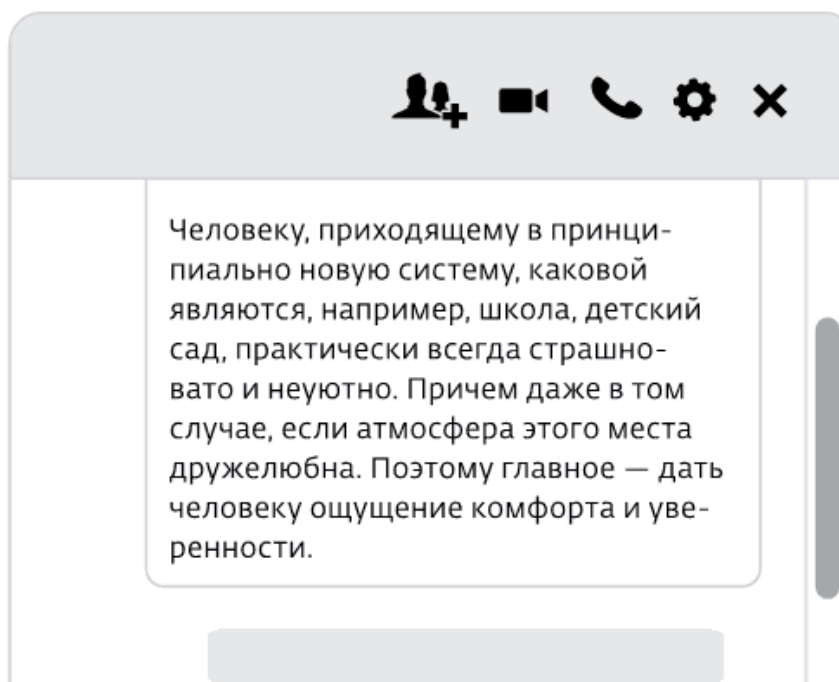
В то же время очевидно, что главной целью педагогического процесса является развитие личности, самости человека. Точнее, даже развитие его умения взаимодействовать с собственной самостью и со всеми факторами окружающего мира. Именно так у человека проявляются и впоследствии развиваются способности строить личные отношения с другими людьми, со знаниями, с окружающим миром вообще. Эти инструменты основаны не на комплексе неполноценности, а на личностной целостности и интересе. Знание и принятие себя позволяет нам находить такие способы образования и самообразования, которые являются наиболее приемлемыми для нашей личности, соответствуют нашим склонностям. Школа же, основанная на насилии, пусть и во имя самых благих целей, уничтожает саму возможность подобных открытий.

Возьмем, к примеру, одну школьную тему. Признаком чего является шум в классе? Классический ответ – признаком того, что ученикам неинтересно. А на деле все наоборот. Когда нам интересно, мы шумим, обсуждаем, высказываем свое мнение (вспомните любую вечеринку, любую встречу с друзьями). Для того чтобы принять материал, нам необходимо его обсудить – «присвоить». Кроме этого, на мой взгляд, шум является признаком того, что дети живы... Во всех смыслах. Дети – люди в основном шумные.

Еще пример, который многие с ужасом вспоминают и одновременно пытаются вытеснить из памяти, – организация процесса еды в детских садах и школах. Когда вам предлагают некое блюдо (зачастую не самое аппетитное) и всеми силами заставляют его съесть, вне зависимости от ваших желаний и личного вкуса (опущу в данной статье подробности известных мне и многим читателям извращенных способов насилия с целью добиться поедания обеда). А при этом еще и врут, объясняя, что хорошие (!) дети съедают все до конца. Отдельные экземпляры доходят до такого цинизма, что приплетают к этому тему ВОВ. Зачем?! Неужели снова чтобы

убить все личностные проявления, включая вкус? Как человек будет **выбирать** в XXI веке – **веке выбора**, если он лишен с детства самого **права выбирать**?

Сама система современных образовательных учреждений, к несчастью, устроена антилично. Предположим, человек хотел бы посидеть и подумать. Но в этот момент объявлен перерыв – все встают и выходят. Как быть? Или наоборот, скажем, для того, чтобы сосредоточиться, кому-то необходимо походить взад-вперед, однако он обязан сидеть сиднем. Или еще: кому-то в пять лет легко и просто учить математику, сидя тридцать минут, а кому-то достаточно пятнадцати, а дольше – тупик... Мне могут возразить: «Но ведь нельзя же построить систему, которая учитывает склонности каждого». Еще как можно! И разговаривать в классе, и вставать, и идти к предмету разными путями, и работать в разных ритмах. Нужно только осознать, что именно это и является одной из главных образовательных целей – умение взаимодействовать с современным миром, умение выбирать собственный путь, знакомство с самим собой, со своими способами учения. Если практическая педагогика не будет срочно адаптирована к современным условиям (то есть не начнет реагировать тем или иным способом на рамки постмодернизма), системы образования рухнут, как карточные домики. Давление на современного человека в детском саду и школе достигло наивысшей стадии. Пора думать и меняться...

Система провозглашает адаптацию чуть ли не главной целью. Именно поэтому она и демонстрирует такое активное давление. Считается, что чем быстрее человек научится выполнять определенные правила, тем скорее он адаптируется. Все наоборот! Выполнение правил – скорее признак глубокого ухода в себя, подчинения себя системе, нивелирование собственного я, низведение его до некоего усредненного безличного уровня.

Человеку, приходящему в принципиально новую систему, каковой являются, например, школа, детский сад, практически всегда страшно-вато и неудобно. Причем даже в том случае, если атмосфера этого места дружелюбна. Поэтому главное – дать человеку ощущение комфорта и уверенности. Дать ему возможность почувствовать себя сильным (сравните с сидением в затылок друг другу). То есть нужно не расшатывать уверенность в себе, а усиливать. Именно из этой уверенности рождается сначала право на себя самого, затем ощущение места

как «своего», а после – желание использовать это самое «свое» место на полную катушку, то есть учиться, узнавать новое, знакомиться с миром.

Разве не этого хотят мама и папа, отправляя ребенка в школу? Разве не в этом и заключается наша взрослая цель помещения ребенка в образовательные рамки? Как же и когда происходит подмена? В какой момент люди (и дети, и родители, и учителя) оказываются внутри очередного витка воспитательного процесса, вместо того чтобы радоваться вместе познанию мира?

#ДЕТИ☺ #ШКОЛА📖 #СЕМЬЯ🏠
#РОДИТЕЛИΔ∇ #ПЕДАГОГИКА🗨

Изнасилование на пятерку

Дело вовсе не в том, что я категорически против оценок, я просто действительно совсем-совсем не понимаю, как оценка в школе может явиться хоть каким-то образовательным (педагогическим) инструментом. Штука в том, что весь мой опыт доказывает обратное. Да и опыт коллег, по моим наблюдениям, приводит к единственному выводу: оценка не просто вредна – она развращает личность, убивает любопытство, приводит к конфликтам, к комплексам. Хотите доказательств? Пожалуйста! Желание получить положительную оценку (и избежать отрицательной) постепенно становится сильнейшей мотивацией. Настолько сильной, что часто она покрывает все остальные мотивации. Потому и вводится в манипулятивных системах дрессировка с самого раннего детства. Начнем с простейших примеров: человек хочет поскорее выпить компот. При этом знает, что положительную оценку («ты хороший мальчик») он получит в случае, если съест суп. Как ему поступить? В рамках приобретенного условного рефлекса – реакция на положительную оценку – он принимается за суп. Получает подкрепление в виде похвалы (оценка). Как вам кажется, сколько раз ему нужно побывать в подобной модели, чтобы она закрепилась? Нескольких будет достаточно, не правда ли? Что станет результатом? Его неумение определить, чего он на самом деле хочет? Познание принципа зависимости отношений с мамой от ее субъективной оценки? Что взрослые лучше знают, как жить? Организм подсказывает, что он хочет компот (рис с овощами, макароны и пр.), а мир диктует, что нужно есть суп. Эта дилемма не вечна. Оценка – наркотик, ежедневное применение которого снимает все эти вопросы. И постепенно вытесняет истинные мотивации. Слишком примитивно? Но механизм работает точно таким же образом и в более сложных примерах. Давайте про школу. Взгляните на пятибалльную оценочную систему: ничего не замечаете? Из пяти возможных вариантов три – отрицательные (причем один из них – единица – практически никогда не используется), остается хилая дифференциация между 4 и 5... Что мы хотим сказать с помощью этих сомнительных инструментов? Даже приблизительной объективности не получается.

Представьте, у человека в диктанте было двадцать ошибок, он долго работал и в следующем сделал только восемь. И что же? Опять двойка! Между тем его успех намного больше, чем у отличника, который, исправив одну-единственную ошибку, перешел от четверки к пятерке.

Равно как и за сданный чистый лист он получит не ноль, что хотя бы логично, а все ту же двойку. Неужели вас это не смущает? Как объяснить это детям? Разве такая система может стать хоть сколько-нибудь серьезной и честной обратной связью – поддерживающей, обучающей? Девочка Света выучила письмо Татьяны и получила пятерку. Мальчик Ваня не выучил письмо Евгения и объяснил, почему он этого не сделал (его раздражает лживость и манипулятивность письма). Два. И это в полном соответствии со стандартом. Государственная контрольная в нашей школе.

Второй класс. На картинке – гнездо и домик. Вопрос: объясните, что общего и в чем разница. Наш ученик отвечает: «Разница в том, что в гнезде живет **птица**, а в доме **человек**, а общее – то, что в гнезде **живет** птица, а в доме **живет** человек». Ответ, на мой взгляд, на грани гениальности.

Прикажете поставить пару в соответствии со стандартом? Сказать что-нибудь типа «ты молодец, но мир этого не оценит»? Нет тут подходящих вариантов. Но есть вопрос: зачем оценка? Разве без нее мы не сможем понять, что человек знает, а чего не знает? Могу предложить вам жестокую и опасную проверку: введите на недельку жесткую оценочную систему в собственные женско-мужские отношения, и увидите, с какой скоростью все рухнет. «Доро-

гой, сегодня за наш секс ставлю тебе 4 с минусом...» «Дорогая, тебе троечка за сегодняшний вечер». Смешно, не правда ли? Вот и в отношениях с детьми – смешно. Оценка приводит к тому, что человек учится соответствовать не самому себе, своим желаниям, мыслям, интересам, а учебнику, взглядам учителя, вообще – взрослому. Он постепенно теряет умение взаимодействовать с миром, выбирать. Это неправда, что без оценок «они» не учатся! Ну совсем неправда! Эта формула возникает только в одном случае: происходящее вне уроков намного важнее происходящего внутри. И еще один обязательный элемент: сам оценивающий часто страдает сильнейшим комплексом неполноценности. Стоит только построить вместе с учениками яркий, интересный процесс, необходимость в оценках отпадает сама собой. Был у меня когда-то такой случай. Меня пригласили в одну из школ провести с учениками 9–10–11-х классов День чтения (есть, оказывается, и такой день). Мы с участниками нашли малоизвестную сказку Андерсена и организовали большую открытую конференцию, в процессе которой они в малых группах читали, свободно ходили по залу, обменивались мнениями, трактовали, задавали друг другу вопросы, спорили. Практически не было не вовлеченных в процесс (и откуда им быть – ведь речь шла о собственной трактовке, об отношении текста к нашей жизни). И тут ко мне подошли две учительницы этих детей: «Как здорово! Мы никогда их такими не видели! Можно мы поставим оценки?» Я, конечно, оторопел: «Зачем?» – «Просто мы действительно никогда прежде не слышали голоса некоторых из них, а сейчас они так активны. Это поможет нам поставить им в четверти хотя бы тройку...» Ну и как вам? Все еще недостаточно доказательств? Талантливые, яркие, активные получают «хотя бы тройку». Легко, конечно, свалить все на учителей, сказав, что они просто не умеют организовать интересный урок. Я уверен, что это не так. Просто сами учителя оказываются заложниками **оценочной системы** и постепенно теряют собственную ориентацию, собственную способность к творчеству.

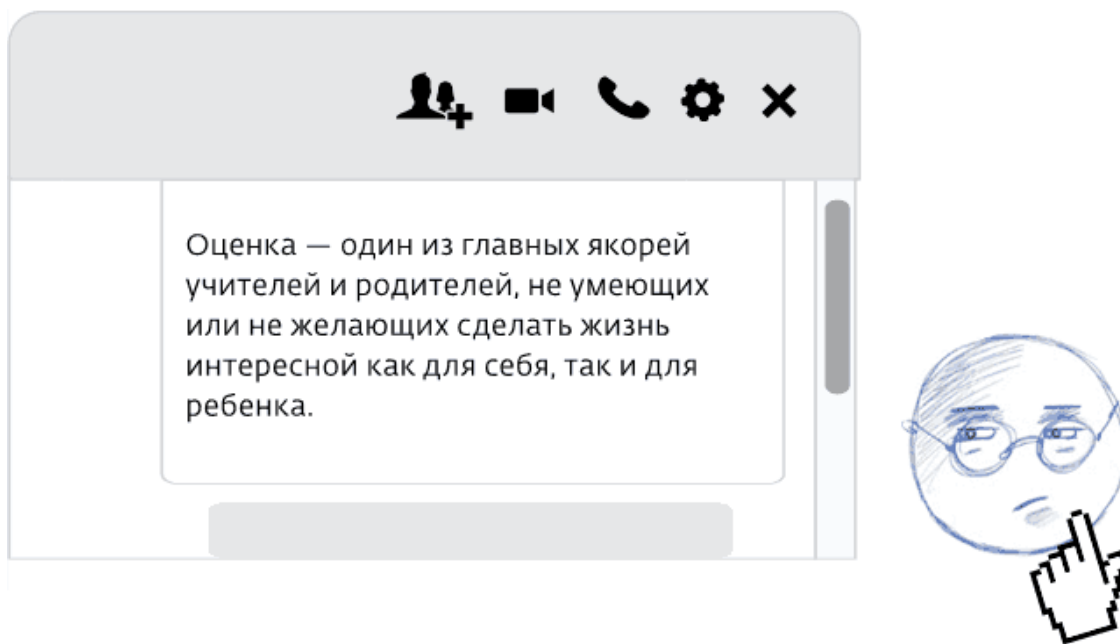
В процессе учения, познания, безусловно, человеку необходима «обратная связь». Ну так и дайте ее! Начиная с раннего детства. Разговор о том, что вы думаете, что чувствуете, что вам мешает, что помогает, каков ваш опыт, предложение поддержки, – все это намного действеннее, чем оценочное «молодец, хороший мальчик, вот теперь ты мне нравишься» (мне! Вот в чем истинная цель – понравиться высшему существу!) В школе же все еще проще: человек учится, это так интересно! Зачем подменять его желание познавать мир желанием понравиться учителю, соответствовать некоему стандарту? Сколько потерянных поколений еще необходимо, для того чтобы понять, насколько это опасно? Сначала «подсадим» на оценку в качестве главного мотора, а потом носимся в поисках утраченной самости ребенка. «Он ничем не интересуется...»

Знаете, когда к нам в «Апельсин» приходят дети из других школ, то, о чем говорилось выше, проявляется как на негативе. Поначалу они в принципе не в состоянии поверить, что будут приняты такими, какие есть. В этом смысле они проходят довольно непростой период адаптации. Это такой же непростой период и для нас, ведь одно дело, когда человек делает что-то, ибо в противном случае его осудят, и совсем другое – когда он выбирает сам, как поступать. Одна история, когда он постоянно получает «месседж» окружающего мира типа «мы-то знаем, как поступать правильно, знаем все правильные ответы, и тебя скоро научим», и другая – учиться самому принимать решения, открывать свой собственный интерес, следовать ему, находить неожиданные пути и решения (о которых учитель может и не догадываться). Открыть заново, что урок может быть интересен сам по себе, вне зависимости от того, как тебя оценивают, это, верите ли, непросто. Особенно если до этого главным мотором была оценка. Противоположные системы координат...

Как-то меня спросили: вы, наверное, говорите не об оценках, а об отметках? А что, действительно есть разница? Разве отметка не является

простым выражением вашего оценивания? Разве не на нее реагирует ребенок – радостно или с горечью? Разве это не пустое словоблудие, в конце концов?

Манипулятивная система требует манипулятивной же поддержки. Не поэтому ли так часто предлагается и такое оправдание: «Сейчас он учится важному принципу: как поработаешь, так и получишь. Поработаешь хорошо – получишь пять, поленишься – получишь два. Вот вырастет – будет так же: поработает (поучится) хорошо – получит большую зарплату (должность, положение), поленился – будет прозябать под забором». И первое, и второе – ложь! Уверен, за примерами читателям далеко ходить не придется. Я снова и снова возвращаюсь к своему излюбленному вопросу: зачем? Если ответ – обратная связь, то намного проще дать ее на словах, объяснить, что к чему, найти вместе ошибки, предложить путь к их исправлению, пониманию. Оценка – один из главных якорей учителей и родителей, не умеющих или не желающих сделать жизнь интересной как для себя, так и для ребенка.

Вот и даем мы в ответ на простой вопрос, зачем учиться, взаимоисключающие ответы: учиться нужно для себя, но на оценку других. Как это? Сами подумайте!

#ДЕТИ👤 #ШКОЛА📖 #СЕМЬЯ👨‍👩‍👧
#РОДИТЕЛИ👤 #ПЕДАГОГИКА📚

Волшебное «взаимо-»

Если уж мы говорим об образовании – давайте «по гамбургскому счету». Вспомним мир лет двадцать назад. Какие знания были востребованы? Каков был путь к этим знаниям? Зачем и чему мы учились? А сейчас? Не слишком похоже, правда? Интернет, мобильники, социальные сети, исследование генома, электронные деньги – обо всем этом понятия не имели наши учителя. Ну, а теперь – следующие двадцать лет. Какими будут технологии вообще и технологии получения знаний в частности? К какому «завтра» мы готовим наших детей? Не знаете? Вот и я не знаю. И двадцать лет назад не знали, хотя многие уверяли, что знают. Тогда вопрос: какое же право у нас есть выбирать и навязывать те или иные знания детям будущего? По какому принципу вообще мы их выбираем? Что мы сами понимаем, чем руководствуемся? Чего хотим?

«Учиться всегда пригодится», так? А если не пригодится? По-честному, все пригодилось? Может быть, большая часть? Или все-таки меньшая? А может быть, вопреки?..

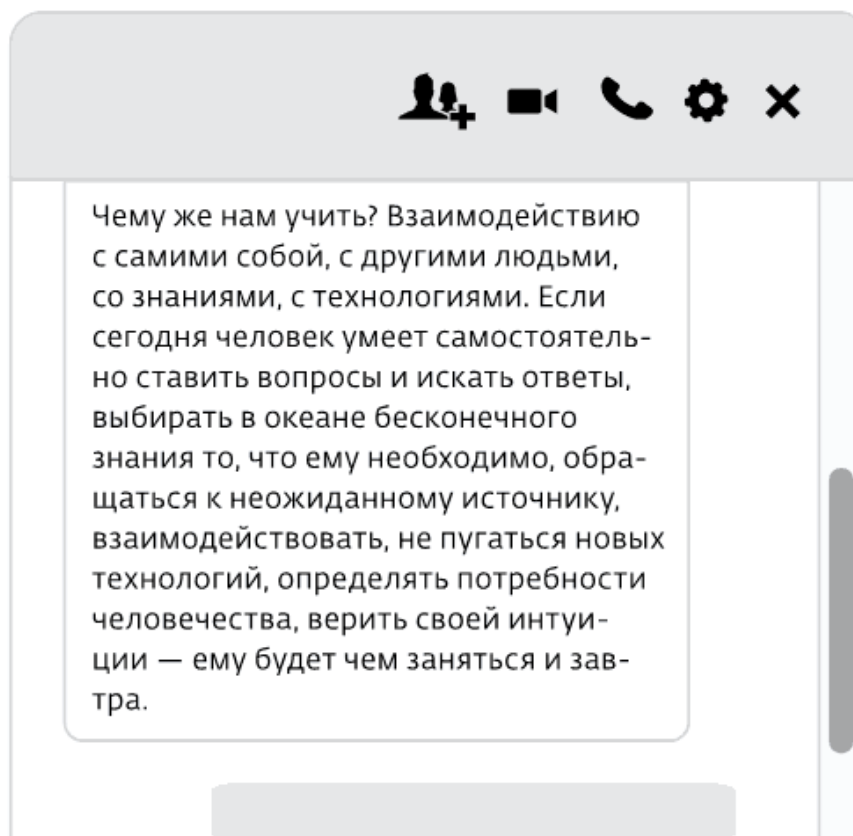
Часто мы поступаем как глупые путешественники из сказок, которые набивают мешок первыми попавшимися под руку предметами – авось пригодится. И иногда, кстати, пригождается. Именно эти случаи апологеты «знательного» образования приводят в пример.

«Если бы меня не заставляли учить математику, я бы не стал...» Как продолжить – не знаю. Ибо трудно представить такую фразу из уст Эйнштейна, Ковалевской, Кюри. Скорее «я бы не стал настоящим бухгалтером»... Нет, вру – такого тоже не слышал. Чаще всего просто без продолжения: «Если бы меня не заставляли, я бы не знаю, что я...»

Количество случайных знаний в школьной программе зашкаливает. Случайных, то есть таких, про которые даже сам учитель не может объяснить, зачем ЭТО учить. Пару недель назад я смог в очередной раз убедиться в этом на большом семинаре учителей. Мы вместе пытались сформулировать, зачем сегодня учиться в школе. Поверьте, нам было по-настоящему трудно.

Мой любимый пример (уж простите за очередной повтор) – таблица умножения. И так, зачем... Ой-ойой, опять «ты не сможешь посчитать сдачу в магазине!» (именно так обычно отвечают люди, верящие, что сдачу считают при помощи таблицы умножения, и не знающие, что в каждом телефоне нынче есть калькулятор). И если можно, обойдемся без «это развивает мозг». Не выдумывайте, пожалуйста, это науке неизвестно. Мы не можем сравнивать собственный мозг до и после. (Любителей сравнивать свой мозг с чужим просьба не беспокоиться.) Да и по каким, интересно, критериям сравнивать?.. И если цель – развить мозг, то почему именно на этом материале? Есть целая масса более забавных бесполезных знаний...

Оставьте, я не предлагаю отменить изучение таблицы умножения, я всего лишь заявляю, что учить ее можно, только предварительно дав вразумительный ответ, зачем она нужна. Так, чтобы было понятно вам, мне и детям во втором классе. (Кстати, мне не так давно такой ответ дали. Желаящим предлагаю поискать его самостоятельно.)

Чему же нам учить? Взаимодействию с самими собой, с другими людьми, со знаниями, с технологиями. Если сегодня человек умеет самостоятельно ставить вопросы и искать ответы, выбирать в океане бесконечного знания то, что ему необходимо, обращаться к неожиданному источнику, взаимодействовать, не пугаться новых технологий, определять потребности человечества, верить своей интуиции — ему будет чем заняться и завтра.

Между тем ответ существует. Этот ответ – взаимодействие. Именно ему мы должны учиться. Взаимодействию с самими собой, с другими людьми, со знаниями, с технологиями. Если сегодня человек умеет самостоятельно ставить вопросы и искать ответы, выбирать в океане бесконечного знания то, что ему необходимо, обращаться к неожиданному источнику, понимать собственный интерес, взаимодействовать с интересом другого, вписывать открытия в жизнь, не пугаться новых технологий, определять потребности человечества, верить своей интуиции – ему будет чем заняться и завтра. Причем заняться с огромным интересом, понимая, зачем ему и другим это занятие нужно. Личностное взаимодействие сегодня – главный образовательный код. И для родителя, и для учителя, и для ученика. Давайте взаимодействовать с таблицей умножения? С компьютерными программами? С Пушкиным А. С.? И не потому, что «это должен знать каждый». Нет сегодня такого, что должен знать каждый. Поскольку «Гугл» готов осчастливить любого за пару минут. Погуглил, и вот я уже – каждый. А вот творческий интерес сегодня стоит очень дорого. И стоимость его только повышается. Да и в школу, кстати, в таком случае есть зачем ходить каждый день.

Инструментов для изучения «волшебного взаимо-» много, и все они по-своему прекрасны. Да-да-да, если таблица умножения объясняет нам, как устроен мир, как строить с ним отношения, помогает понять себя, дает возможность творить – она прекрасна. Так же, как она становится страшным оружием саморазрушения, если «надо, Федя, надо!».

Нам не дано заглянуть в завтра. Но мы точно знаем, что те, кому сегодня шесть лет, скоро предложат нам свой мир. Не знаю, каким он будет, но лично мне хотелось бы, чтобы у меня там было свое место. Чтобы у меня осталось право на себя. Чтобы мне было интересно в этом будущем. Поэтому я буду **учить и учиться взаимодействию**. Чего и вам желаю.

#ДЕТИ🌐 #ШКОЛА📖 #СЕМЬЯ👨
#РОДИТЕЛИ👨 #ПЕДАГОГИКА🗨
#ВОСПИТАНИЕ🌐

О детобязни

черепаха Тортилла

24 ч.

«Я сама была такую триста лет тому назад», – пела, как известно, черепаха Тортилла. А мы подпевали.

♥ Нравится 📎 Комментарий ↗ Поделиться

А вот интересно, какую такую? Что мы имеем в виду, когда упоминаем детскость? Так легко ответить на вопрос, что такое женственность, мужественность, старость. И даже более сложные «французскость», «русскость». А «детскость»? В той же песне говорится о некоторых ее проявлениях: «будь веселым, дерзким, шумным, драться надо – так дерись, никогда не знай покоя, плачь и смейся невпопад...»

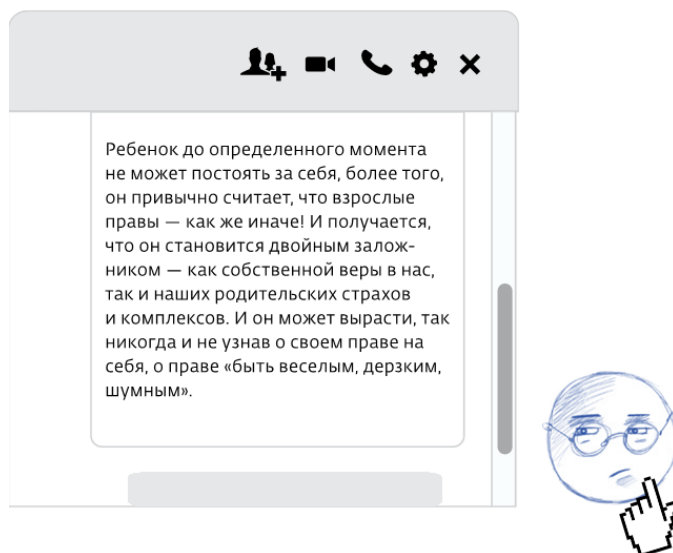
И рядом наше взрослое: «смех без причины – признак дурачины», «что льешь крокодилы слезы», «не дерзи», «успокойся наконец», ну и так далее... Как это ловко у нас получается! С одной стороны, петь с такой веселой ностальгической многозначительностью, с другой же – старательно выключать эти же самые детские черты при первом их проявлении. Почему? Что пугает нас? Отчего мы ведем себя так, как будто, в отличие от черепахи Тортиллы, мы такими не были. Забыли? Вытеснили?

Что видится нам в этом зеркале, которое мы так часто пытаемся занавесить черной тряпкой? Несбывшиеся надежды? Свобода, которую мы утратили? Способность к спонтанному юмору? Вообще к спонтанности?

Скорее выключить это, скорее сделать их похожими на нас: рассудительными, пунктуальными, весомыми. Скорее представить детскость как что-то, чего следует бежать, а еще лучше – стыдиться.

Происходящее можно назвать «синдромом голого короля». Помните Андерсена? Про ребенка, который говорит правду? Не в ней ли все и дело?

Если мы позволим им излишнюю детскость, они могут нечаянно, а точнее, походя, даже и не заметив, рассказать нам тяжелую правду. Про нас, про нашу жизнь, про их жизнь с нами... Что им наш статус? Что наши выученные позы? Наши пафос, эпос и логос? Кто еще с такой безжалостной правдой смеет говорить с нами? Кто может так смутить нас собственной непосредственностью? Чей вопрос может загнать нас в такие пещеры, из которых – мы уверены – выхода просто нет? Не от этого ли училки так часто виснут на рычаге выключения детскости, стремясь включить вместо нее «всеммолчатыглазанадоску»?

Ребенок до определенного момента не может постоять за себя, более того, он привычно считает, что взрослые правы — как же иначе! И получается, что он становится двойным заложником — как собственной веры в нас, так и наших родительских страхов и комплексов. И он может вырасти, так никогда и не узнав о своем праве на себя, о праве «быть веселым, дерзким, шумным».

История детобоязни, понятное дело, начинается не с нас. Многие века из страхов, неудобств, взрослой беспомощности ткали ее поколения за поколениями. Соткали. Ткань для нового платья короля. Вернее, королей-взрослых. В этих-то платьях мы и щеголяем, еще и хвляясь время от времени друг перед другом фасоном и ценой. И, воровато озираясь, при первой же возможности выключаем детскость, а то, не приведи господь, услышим слова, которых мы так страшимся. Ну, те самые: «А король-то — того...»

Вот и получается, что боязнь детскости сродни шовинистическим или расистским проявлениям: во всех этих случаях люди отрицают или не позволяют другим быть самими собой, не принимают самость других людей (женскую, расовую, национальную и пр.). Только в случае с детскостью, боюсь, все намного тяжелее, ребенок ведь до определенного момента не может постоять за себя, более того, он привычно считает, что взрослые правы — как же иначе! И получается, что он становится двойным заложником — как собственной веры в нас, так и наших родительских страхов и комплексов. И он может вырасти, так никогда и не узнав о своем собственном праве на себя, о праве «быть веселым, дерзким, шумным».

И помочь ему мы можем только одним способом: **остановиться** на мгновение **и подумать**. Перед тем как сделать замечание, перед тем как прервать его песню, остановить его танец, омрачить его беспричинное веселье. Остановиться, глубоко вдохнуть и заняться собой. Простите, что я опять о том же...

Вдруг подумалось, что тут читатель привычно может попробовать меня осадить, приведя жесткий пример, скажем, такой: «А если мы идем по улице, а мой ребенок вырывается и бежит на красный свет?» Что ж, разберемся с этим «сложным» примером. Если человеку угрожает опасность (любому — белому или черному, мужчине или женщине, молодому или пожилому), мы, безусловно, постараемся его защитить и, если нужно, спасти. Поэтому, останавливать ли ребенка, бегущего на красный свет, вопрос праздный — вы ведь знаете ответ? Конечно, останавливать. И предупреждать об опасности, объяснять, каковы правила перехода через дорогу, однако при этом помнить, что он ребенок. И что преуменьшение существующей опасности — одно из проявлений детскости. Поэтому мы, безусловно, должны, оставляя место его самости, помогать ему и защищать его. Ведь у нас не вызывает подобных вопросов, например, необходимость помощи старикам — мы безоговорочно принимаем немощь в качестве возрастной принадлежности. И не стремимся изменить человека, а лишь стараемся сделать его жизнь более комфортной. В чем же разница? Давайте и детям дадим спокойно взрослеть, познавая мир в их собственном ритме и темпе.

А уж о ситуациях, когда человек поет на улице, прыгает и бегает, и говорить почти нечего. Вам стыдно за него? А может быть, просто что-то вспомнилось, независимо от вас самих? Например, как вас когда-то ругали именно за это? Или краем глаза заметили неодобрительный взгляд прохожего? Или – что тоже бывает – просто представили себе саму возможность такого взгляда?..

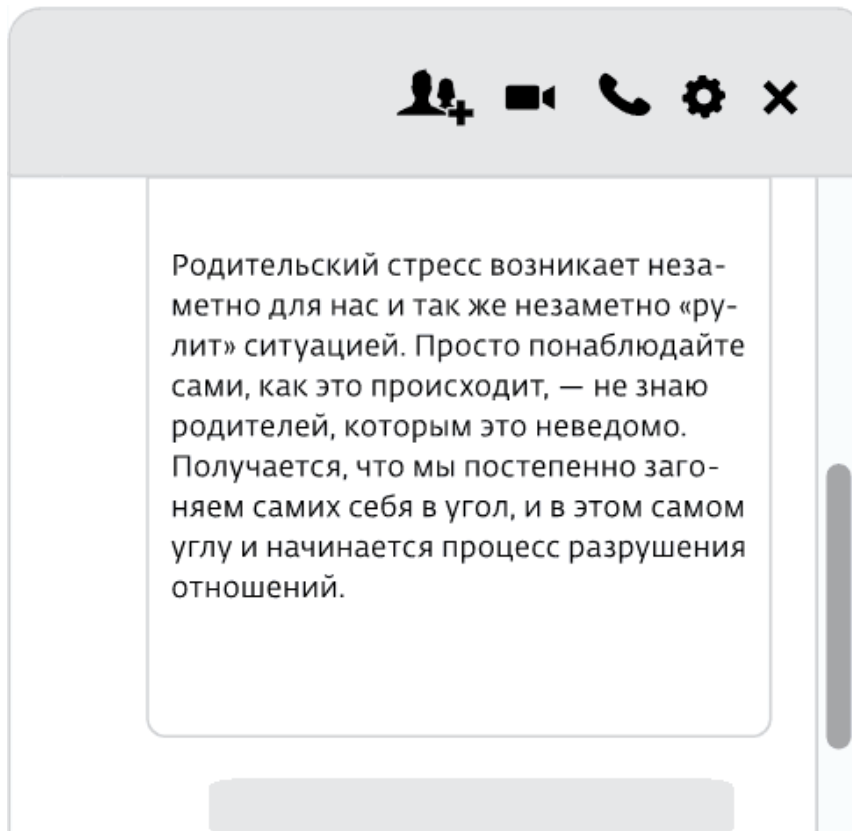
Как ни крути – получается снова, что ответственность на нас. Это наши ощущения, наши воспоминания, наши фантазии. Значит, в нас и дело.

**#ДЕТИ© #РОДИТЕЛИДГ #ВОСПИТАНИЕ©
#СТРАХ©**

О том, что можно и чего нельзя

Что это мы все про детей да про детей! Давайте немного и про родителей. Тем более что некоторые из моих уважаемых читателей так прямо и заявляют: «Что это вы все время на их стороне? А о нас кто подумает? Адмирал Иван Федорович Крузенштерн?!» © А и правда – давайте! Тем более что тема разрешений и запретов почти целиком «родительская». Это ведь мы страдаем и пытаемся решить, что можно и чего нельзя, это мы мучаемся вопросами, кто прав – соседка, бабушка или умная книжка, советуя тот или иной метод; это мы ругаем себя время от времени за излишнюю строгость или, напротив, за временную слабость...

В самом деле, чем мы руководствуемся, отвечая на простой вопрос: «А можно мороженое?» Понятно, что готовый ответ на поверхности: если речь о мороженом до обеда – это одно, а если после – это другое. Ох, не уверен я... Много раз мне приходилось наблюдать, как родители, отвечая на подобные простые вопросы, из приятных, милых, открытых людей превращаются на глазах в машину по воспитанию. Мне кажется, процесс устроен примерно так: вот жил я, не тужил, все было спокойно, и вдруг возникает ситуация, которая требует от меня – родителя – дикой мобилизации. Моя родительская ответственность подскакивает, подобно адреналину в крови (или вместе с ним), я резко обретаю функцию – я должен решить! В этот момент множество простых человеческих желаний, понятий, слабостей отходит на второй план. Напряжение нарастает, за секунду в моей голове проносятся все «за» и «против», я оказываюсь в дичайшем стрессе. И вот в этом непростом состоянии мне и приходится давать ответ. Шансы на то, что этот ответ будет верным, как вы понимаете, пятьдесят на пятьдесят. Да и какой из них, интересно, является верным?..

Чего, собственно говоря, нельзя детям? Нельзя совать пальцы в розетку? Нельзя промочить ноги? Получать двойки? Ругаться матом? Есть сладкое?.. Потому что... Что? Что, собственно, произойдет, если человек промочит ноги? А ничего не произойдет. Можно промочить ноги!

Особенно если знаешь, как сушить носки. А можно ходить зимой без шапки? Конечно, особенно если сам понимаешь, когда тебе холодно (не мама говорит, а сам!). Можно кричать в общественном транспорте? Еще как! А зачем, кстати? (Ведь этот вопрос можно задать, он очень интересный.) Можно поздно ложиться спать? А почему бы и нет, если я умею понимать, когда действительно пора.

Как поймать нам, родителям, этот момент, когда привычки, модели, собственное детство, общество толкают нас в вечную зависимость, которая хуже алкоголя и никотина?

Ведь очередная **родительская ловушка** заключается в том, что, вводя систему «можно – нельзя», мы лишаем свободы – нет, не детей – самих себя! Ведь уже и мороженое спокойно не съесть, не побеситься всласть, не поваляться на диване бездумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.